

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

КРЕМЛЕВСКАЯ

ПУЛЯ

Полковник Гуров

Николай Леонов
Кремлевская пуля

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Кремлевская пуля / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014 — (Полковник Гуров)

Сотрудникам ФСБ становится известно о готовящемся покушении на российского президента. Приняты беспрецедентные меры по охране главы государства, к поиску террористов привлечены все столичные силовые структуры. Не остался в стороне и Московский уголовный розыск. Полковнику Льву Гурову приказано найти исполнителя убийства. Сыщик начинает расследование и вскоре выходит на влиятельное преступное сообщество, члены которого в последнее время активно занимаются поиском киллера экстра-класса...

Содержание

Кремлевская пуля	5
Суббота	5
Воскресенье	11
Понедельник	20
Вторник	24
Среда	32
Четверг	47
Пятница	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Леонов

Кремлевская пуля

Кремлевская пуля

Суббота

Май месяц с самого начала выдался таким жарким и солнечным, что людям казалось, будто наступило лето. А где оно, там и комары. Их кровожадность сейчас в полной мере ощущали на себе полковники полиции Лев Иванович Гуров и его друг Станислав Васильевич Крячко, сидевшие на берегу речки. Стас возился с удочками, а Гуров просто прислонился спиной к дереву и бездумно любовался закатом.

Вдруг откуда-то издалека послышался звук моторки. Потом появилась и она сама.

Возмущенный Крячко, яростно потрясая кулаками, гневно заорал:

– Куда тебя черти несут?! Ты же мне всю рыбу распугаешь!

Мотор лодки стих, но она по инерции продолжала движение к берегу. Когда посудина ткнулась в него носом, на землю соскочил Степан Савельев. Этого оторву, сына их друга, сыщики хорошо знали. Одно время они даже служили вместе. Старые обиды давно забылись, зато появились новые, особенно у Стаса.

– Ну и какой леший тебя сюда принес? – зло поинтересовался Крячко. – Ты ведь как ворон! Раз появился – значит, жди беды! С хорошими новостями ты еще никогда не приходил!

– Да бросьте вы, Станислав Васильевич! – Степан широко улыбнулся. – Что это вы из меня злодея делаете? Просто узнал, что вы здесь, решил заглянуть на огонек, вот Льва Ивановича пригласить на лодке покататься.

– Он никуда не поедет! – решительно заявил Крячко. – Вы с тестем его один раз уже чуть не угробили! Второго шанса я вам не дам. Заворачивай оглобли!

– Подожди, Стас! – остановил его Гуров. – Степа, что случилось? Раз уж ты с такими предосторожностями здесь появился, то явно что-то серьезное. Я прав?

– Лев Иванович, просто очень нужна ваша консультация, – объяснил парень. – Это недалеко. Посидите, поговорите, уши настоящей поедите – сам готовил! А потом я вас обратно доставлю в целости и сохранности.

– Хорошо! – согласился Гуров и начал подниматься, но тут вмешался Крячко:

– В таком случае я с вами!

– Нет! – твердо сказал Степан. – Если Лев Иванович сочтет возможным вам потом что-то рассказать – его дело. Но мне почему-то кажется, что он не станет так поступать. Не та ситуация. Кроме того, вы, Станислав Васильевич, меня здесь вообще не видели, а Лев Иванович никуда не уезжал.

– Стас, я поеду один, – категорично заявил Гуров и направился к лодке.

Он уже понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее, раз тесть Степана, Алексей Юрьевич Попов, генерал-лейтенант ФСБ в отставке и отнюдь не последний человек в администрации президента, вызывал его на конспиративную встречу, которую невозможно было бы провести в городе. А это говорило о многом!

Видимо, Крячко это тоже понял, но вот так сразу смириться не смог и угрюмо буркнул:

– Если с Левой чего случится, я не посмотрю, что ты сын моего друга. Голову сверну собственноручно!

Моторка была внешне неказиста, но движок имела мощнейший и почти летела над водой. Гурова это не удивило. Он уже имел возможность убедиться в том, что некая секретная структура, подчинявшаяся кому-то на самом верху, с ничего и никому не говорящим названием, совсем не стремилась привлекать к себе внимание, но технически была оснащена превосходно.

Дорога много времени не заняла. Вскоре лодка приткнулась к небольшому островку. Возле костра, над которым висел котелок, сидел Попов. Лев Иванович привык видеть его при полном официозе, но даже сейчас, в камуфляже, этот человек, которым Гуров искренне восхищался, умудрялся выглядеть органично. Сыщик спрыгнул с лодки на берег, поздоровался с Алексеем Юрьевичем и сел рядом.

– Может, ушицы для начала? – предложил Степан.

– Думаю, да, потому что потом, боюсь, у Льва Ивановича уже аппетита не будет, – согласился Попов.

– Начало обнадеживающее, – заявил Гуров. – Но давайте действительно попробуем, что тут Степан накулинаруил.

Они расселись вокруг котелка, снятого с огня, и приступили к процессу. Уху ели прямо из котелка деревянными ложками. Лев Иванович только головой мотал от восхищения – объедение, а не уха!

Вскоре Степан забрал котелок и отправился к воде, чтобы почистить его песком, а Гуров крикнул ему вслед:

– Степа, когда тебе надоест совершать подвиги, иди в повара – цены тебе не будет!

– А мне и сейчас в моем деле цены нет, – нахально заявил парень.

– Ладно, будем считать, что разминка окончена, – уже совершенно серьезно сказал сыщик. – Что случилось?

Попов помолчал, глядя на костер, а потом вздохнул и заговорил:

– Лев Иванович, я знаю, что вы далеки от политики, но не могли не отметить, что начиная с двухтысячного года Россия – не так быстро, как хотелось бы, но планомерно – возвращает себе былое влияние. А это очень сильно не нравится нашим, выражаясь дипломатическим языком, партнерам за рубежом. Девятнадцатого мая на рассмотрение в Госдуму будет внесен пакет законов, которые носят исключительно внутренний характер, но значительно упрочат положение нашей страны на международной арене. О характере этих документов я вам ничего, извините, говорить не буду. Партия власти имеет квалифицированное большинство в Госдуме, так что нет никаких сомнений в том, что законы будут приняты еще до летних каникул. По моим ощущениям, некие силы обязательно попытаются этого не допустить.

– А кроме ощущений у вас есть хоть какие-то доказательства? – поинтересовался Лев Иванович.

– Только косвенные. – Попов вздохнул. – Так что считайте это интуицией старого разведчика.

– А кто-то, кроме вас, разделяет эти ощущения? – спросил Гуров.

– К счастью, я не одиночек. Мы рассматривали много вариантов развития событий, которые могли бы помешать принятию законов, но мне хотелось бы послушать ваше мнение.

– Не имея фактов, трудно сказать что-то определенное, но порассуждать на эту тему можно, – задумчиво сказал Гуров. – Итак, предположим некий масштабный теракт. Это, конечно, будет очередным шоком, но к серьезным последствиям не приведет. Крупная провокация, например, захват какого-нибудь посольства. Но там существует своя служба безопасности, да и полиция по тревоге прибывает очень оперативно. Толпа ненормальных, которая провет оцепление и перекроет путь кортежу президента или премьер-министра...

– У службы охраны на этот случай есть четкий план действий, – перебив его, сказал Попов. – Стрельба на улицах Москвы, конечно, очень лакомый кусочек для западной прессы, но они и так нас грязью поливают. Переживем.

– Конечно, – согласился Гуров. – Захват здания Госдумы или Совета Федерации, чтобы сорвать принятие законов. Но это просто отодвинет процесс во времени, а не остановит его. Организация некоего подобия украинского майдана на Красной площади...

– У нас не пройдет – повода нет. – Алексей Юрьевич покачал головой. – Ситуация в стране стабильная, безработица и инфляция умеренные, пенсии, зарплаты выдаются вовремя.

– Митинги и прочие действия оппозиции я даже рассматривать не буду – слишком мелко для такого дела. Что у нас в сухом остатке? – спросил Лев Иванович и сам же ответил: – Только одно. Законы не должны быть внесены на рассмотрение. Значит, либо кто-то откажется от своего плана, но это вряд ли, либо вносить их будет некому. Отсюда вывод: готовится физическое устранение первого лица. – Сказав это, Гуров повернулся к Попову и увидел, что тот сидел, закрыв лицо руками.

Вид у него был крайне подавленный.

– Вот и мы пришли к этому же выводу. – Алексей Юрьевич печально вздохнул.

– Но я не понимаю, чем могу вам помочь, – удивился Гуров. – Если вы считаете, что для воплощения этого замысла в жизнь могут быть использованы уголовники, то это вряд ли! У нас сейчас настолько либеральное законодательство, что им грех роптать, и смены власти они не захотят. Правда, существуют высококлассные киллеры, которых к обычным уголовникам причислять нельзя, но это уже забота соответствующей службы безопасности.

– Вы представляете себе, что будет, если это произойдет? – тусклым голосом спросил Алексей Юрьевич.

– Конечно. Достойной замены ныне действующему президенту нет. Этот харизматичный лидер цементирует общество и пользуется поддержкой большей части населения. Если его убьют, то временно исполняющим обязанности станет премьер и будут назначены новые выборы. На политическую арену вылезут давно забытые фигуры, оппозиция всех мастей резко активизируется, начнутся несанкционированные митинги и шествия, плавно переходящие в беспорядки и погромы, которые полиции и ОМОНу нужно будет разгонять. Если это примет массовый и повсеместный характер, не исключено введение чрезвычайного положения со всеми вытекающими последствиями. Заграница, естественно, встанет на дыбы. В президенты полезут все, кому не лень, избирательный бюллетень будет длиной в метр. В результате эту должность может занять совершенно случайный человек или, что еще хуже, ничего хорошего России не желающий. Начнется смута. Америка объявит Россию зоной своих политических и экономических интересов, а мы знаем, чем это чревато. Интервенция, война, раскол страны по югославскому сценарию.

– Вы так спокойно об этом рассуждаете! – Попов покачал головой.

– Во-первых, еще ничего не произошло, а во-вторых, вы так и не объяснили мне, что лично я должен сделать для того, чтобы этого не произошло, – сказал Лев Иванович.

Алексей Юрьевич помолчал, подумал, а потом спросил:

– Вы помните доклад, который написали для меня?

– Еще бы! – воскликнул Гуров. – Такое не забывается! Но ведь там всю верхушку взяли? – Попов ему ничего не ответил, и сыщик все понял: – Так! Ну и кого же вы отпустили? Я понимаю, что за возможность выехать за границу данные персонажи отдали большую часть награбленного, но тогда какого черта нужно было вообще затевать эту кадрилиху вприсядку?

– Ой, Лев Иванович, вы меня уже цитируете! – Степан негромко рассмеялся.

Он уже закончил все свои дела и теперь тихонько сидел рядом с сыщиком.

Взбешенный Гуров толкнул его в плечо так, что тот свалился набок, кажется, понял, что сказал лишнее, и быстро отполз в кусты.

– Поймите, привлечение их к уголовной ответственности могло вызвать широкий международный резонанс... – начал было Попов, но Гуров вскочил на ноги и перебил его:

– Хватит! Речь шла о деле, которое из-за масштаба хищений могло представлять угрозу национальной безопасности страны. Это практически измена Родине! А вы мне о международном резонансе! Сколько еще мы будем жить, постоянно оглядываясь на Запад? Почему за границей для дачи показаний могут вызывать в суд даже премьер-министров и президентов? Китайцы своих студентов на площади Тяньаньмэнь расстреляли, и что? Мир ужаснулся, а потом? Да кто им сейчас об этом даже напомнить решится? Америка в каждую щель лезет! На ее счет миллионы загубленных жизней! А мы со своими собственными ворюгами не можем разобраться по закону, потому что международный резонанс! С человеком обращаются так, как он позволяет. К стране это тоже относится. До каких пор мы будем позволять так с собой обращаться?! Мы что, в долг взяли и не отдаем, живем на милостыньку, которую нам подают добрые дяденьки с Запада? Без них пропадем? – Гуров вскочил, быстро подошел к воде, нагнулся и умылся.

Он почувствовал, что немного успокоился, и потребовал:

– Степан, вези меня назад! Или мне вплавь добираться?

– Лев Иванович, присядьте и послушайте меня, – тихо попросил его Попов. – Будь моя воля, расстрелял бы их собственной рукой, но не я принимаю решение. То, что они уже за рубежом, – это данность, с которой мы ничего сделать не можем.

Гуров и сам понял, что совершенно напрасно сорвался на Алексея Юрьевича, который уж точно не был ни в чем виноват.

Он действительно присел рядом с ним и буркнул:

– Извините! Просто эту мерзость душа не принимает. Как я понимаю, их, униженных и оскорбленных, – там уже пригрели. Люди они очень информированные. Значит, все нужные сведения из них вытянули. Хотя и напрягаться-то не пришлось, сами все, что знали, с готовностью выложили! А в России у этих сволочей обязательно остались свои, не выявленные нами люди. Не исключено, что и среди ваших же коллег, которые сообщают им обо всем, что происходит. Поэтому они в курсе событий.

Попов сидел молча и смотрел на огонь. Лицо его было осунувшимся и бесконечно усталым.

– Так что вы от меня хотите? – Гуров вздохнул. – Я пока могу дать вам только свое видение ситуации. Если дело лишь в пакете законов, то у нас есть жесткие временные рамки. Все должно произойти до девятнадцатого мая, причем только на территории России. Ни одна страна, даже с самым сумасшедшим лидером во главе, на такое не пойдет. Как это случится? Здесь я могу вам точно сказать – убийство должно быть публичным, и только таким! Чтобы масса журналистов, в том числе и зарубежных, присутствовала! Чтобы потом нельзя было сказать, что ранение было легким или тяжелым, но президент выжил. Весь мир должен убедиться в том, что он действительно погиб. Только тогда эта затея имеет смысл. Так что нужно просто откорректировать рабочий график президента на этот период, исключить из него публичные мероприятия. Кстати, он сам-то в курсе ваших ощущений?

– Да, но не верит в то, что это реально, – печально сказал Алексей Юрьевич.

– То есть уговаривать его быть осторожным – дело заведомо бесполезное, – понял Лев Иванович. – Кстати, по поводу того пакета законов. Вы сказали, что их принятие будет способствовать упрочению положения России на международной арене. Меня не интересуют подробности, но хотелось бы понять тенденцию. Эти законы, случайно, не приведут к тому, что Россия еще больше прогнется под Запад? Вдруг в одном из них содержится разрешение на заключение однополых браков или что-то в этом роде?

– Да бог с вами! – опешил Попов. – А для чего это вам?

– Объясняю. Мы с вами, Алексей Юрьевич, рассмотрели только один вариант возможного развития событий, а ведь есть и второй. В этом случае никаких публичных убийств не будет. Произойдет тихая ликвидация президента с заменой его двойником. Осуществят ее те,

кому наши реверансы перед Западом уже колом в горле стоят. Политика, как внутренняя, так и внешняя, после этого будет проводиться уже совсем другая. Но в таком случае я вам ничем помочь не смогу, потому что вашу внутривластную кухню просто не знаю.

И выговорившийся, точнее, выдохшийся Гуров, и расстроенный Попов долго сидели молча, потом Лев поднялся и сказал:

– Поеду-ка домой, Алексей Юрьевич, а то там Крячко уже, наверное, от беспокойства за меня с ума сошел. Рассказывать я ему, естественно, ничего не буду, понимаю, что информация не для его ушей, хотя лично я готов поручиться за Стаса головой.

Попов тоже встал, отряхнулся, а потом вдруг предложил:

– Лев Иванович, а не могли бы вы приехать завтра ко мне домой? Жена с дочкой и внуками к сватам отправятся, так что нам никто не мешает спокойно поговорить. Вдруг у вас или у меня новые идеи возникнут? Утро ведь вечера мудренее! К часу дня вас устроит?

– Хорошо, я приеду, – пообещал Гуров.

Стараясь не замочить обувь, он стал забираться в лодку под недовольное бухтение Степана:

– И чего драться надо было? Теперь синяк останется! Как я его жене объяснять буду?

– Нечего было под горячую руку попадаться, – извиняющимся тоном буркнул Гуров.

Попов, слушавший их перебранку с берега, попросил:

– Сынок, постарайся побыстрее вернуться, а то нас дома заждались.

– Хорошо, папа! Я мигом! – пообещал парень.

Когда они уже плыли обратно, Гуров не выдержал и заметил:

– Странно, что ты Алексея Юрьевича «папой» зовешь.

– Что чувствую, то и говорю, – сказал, как отрезал, Степан.

До Крячко, который действительно продолжал ждать Гурова на берегу, они добрались быстро. Парень высадил пассажира, лихо развернул лодку и отправился за тестем.

Лев Иванович взглянул в глаза Стаса, горящие от нетерпения, и тут же разочаровал его:

– Подробностей не будет, извини.

– Я так и знал, что этот чертов Попов опять втравит тебя в какую-нибудь авантюру! – обиженно заявил Крячко. – Не учит тебя ничему жизнь, вот что я тебе скажу! Другой бы на твоём месте стал его десятой дорогой обходить, а ты опять к тигру в пасть лезешь! Уже, можно сказать, за чертой из-за него побывал, а все никак не поумнеешь!

Гуров поспешил перевести разговор на другую тему и спросил:

– Ты уловом похвалиться не хочешь?

– Вот мне только до рыбалки было! – оскорбленно проворчал Крячко. – Пошли домой, а то меня тут комары чуть не слопали.

– Да, спать пора, – согласился с ним Гуров. – Тем более что мне завтра надо будет пораньше в Москву уехать. Дела у меня там.

– Я так и знал, что он тебя на что-то подпишет! – горестно воскликнул Стас. – В следующий раз я Степана к тебе на пушечный выстрел не подпущу. Взяли моду тебя эксплуатировать!

– Да ничего особенного, так, разминка для ума, – обтекаемо ответил Лев Иванович. – Просто консультации по очень далекой для них теме. Они же об уголовниках только из книжек знают.

– Особенно Степан, – тут же язвительно вставил Крячко, намекая на то, что прошлое у парня было очень лихим. – Уж этот точно ничего не знает! Он уголовников и в глаза-то никогда не видел! Ты, Лева, уж что-нибудь поумнее бы придумал! А если не смог сразу сориентироваться, значит, заморочил тебе голову Попов такими делами, что ты даже мне уже начал лапшу на уши вешать.

Когда они вошли в дом, жена Стаса уже спала, намаываясь за день в огороде. Поэтому приятели тихонько, на цыпочках разошлись по своим комнатам.

Гуров лег на диван, но сон не шел. Он снова и снова прокручивал в уме разговор с Поповым. У него появились новые соображения по этому поводу. Получалось, что он хоть чем-то, но сможет помочь Алексею Юрьевичу.

Воскресенье

Попытка Гурова встать утром с постели закончилась провалом. Боль в пояснице была такая, что он в голос заорал.

Супруги Крячко, прибежавшие на крик, замерли в дверях неподвижными статуями, а потом Стас осторожно спросил:

– Лева, ты чего? Это тебе такой кошмар приснился или...

– Радикулит, – простонал Гуров. – Посидел вчера на земле, и вот результат.

– Это ты не у меня сидел! – тут же взвился Крячко. – Я тебе, между прочим, старую подушку для этого дела выдал! Это ты у него на голой холодной земле сидел! Говорил я тебе: держись подальше от данного типа!

– От кого? – тут же встряла жена Стаса, отличавшаяся неумеренным любопытством, за что периодически огребала от души, причем не только от мужа, но это ее ничему не учило.

– Он знает! – раздраженно бросил Стас. – Чем с вопросами лезть, принеси, что у тебя там на этот случай заготовлено. Будем нашего болезного в вертикальное состояние возвращать.

– Так лучше бы тогда баньку истопить. Он пропарился бы как следует. Потом ты натер бы его, а поверх замотал старым колючим платком. Вот Лев Иванович к понедельнику и был бы здоров.

– Так у нашего чрезвычайно занятого товарища сегодня непредвиденные дела в Москве образовались, – язвительно ответил муж. – Не может он ждать, подвиги совершать рвется!

Охая и причитая, женщина пошла за своими снадобьями. Стас тоже периодически маялся радикулитом. Да и она сама ими пользовалась, после того как весь день в огороде вверх задницей проторчит.

– Переворачивайся на живот, герой-одиночка! – потребовал Крячко.

Сцепив зубы, чтобы снова не заорать, Гуров осторожно и медленно повернулся. Он уткнулся лицом в подушку и чувствовал себя так, словно мешок цемента на девятый этаж бегом отнес. Тут-то Стас за него и принялся. Мало того что жутко вонючая мазь неопознанной природы беспощадно жгла кожу, вдобавок приятель, втирая ее, от души стараясь, приговаривал:

– А это тебе, друг Левушка, чтобы в следующий раз умнее был, старших слушал, с плохими дядями не водился!

После этой экзекуции поясница Гурова горела как в огне. А когда Стас еще и закутал его в колючий шерстяной платок, он только что не взвыл. Зато возможность двигаться, пусть медленно и осторожно, к нему вернулась. Это было самым главным.

Брюки поверх платка, конечно же, не застегивались. Поэтому Гурову пришлось ограничиться ремнем, а рубашку надеть навывпуск. Он кое-как позавтракал и пошел к машине, неся себя, как хрустальную вазу.

– Куда ты в таком состоянии за руль? – Стас, шедший рядом с ним, горестно вздохнул. – Давай я тебя в Москву отвезу.

– Не надо, сам доберусь, – отказался Гуров, понимая, что Крячко, конечно, искренне за него переживал, но при этом имел еще один совсем незначительный интерес – выяснить, куда же все-таки товарищ собрался.

Зная, что время в запасе у него есть, Гуров ехал медленно и осторожно. Поясница, хоть и значительно меньше, но все-таки болела, так что ему было не до лихачества. Уже в Москве Лев Иванович остановился возле аптеки, объяснил продавщице, что у него приступ радикулита, купил самое сильное обезболивающее, шприцы и перцовый лейкопластырь.

Дома Мария только невольно ахнула и спросила:

– Лева, что с тобой? Чем от тебя так пахнет?

– Не деликатничай, – он поморщился, – не пахнет, а воняет. Это мне поясницу прихватило, вот Стас меня чем-то и натер. Я сейчас в душ, потом себе укол сделаю и ты мне пластырь налепишь. По делам ехать надо!..

Лев Иванович долго стоял в душе, прогревал очень горячей водой поясницу, а заодно смывал вонючую мазь. Не ехать же к Попову, благоухая такими ароматами! Потом он сделал себе укол обезболивающего. Но вот когда Мария налепила ему первый перцовый лейкопластырь, настоящий полковник взвился чуть не под потолок. Перец на кожу, и так раздраженную, – это уже слишком!

– Снимай немедленно! – заорал он.

Перепуганная Мария резко сдернула лейкопластырь, и Гуров снова взвыл. Повышенной волосатостью он не отличался, но боль все равно была дикая. После такой сам радикулит уже как-то всерьез не котировался.

Лев Иванович решил, что с него хватит и обезболивающего укола. Он быстро собрался и поехал к Попову хорошо знакомой дорогой.

Алексей Юрьевич лишь взглянул на гостя и сразу осторожно поинтересовался:

– Что-то случилось? У вас такой изможденный вид.

– Ерунда, – как можно небрежнее ответил Лев Иванович, но сесть в кресло все же не решился, остался стоять, делая вид, что любит садом. – А где ваш зверинец? – спросил он, имея в виду кота и собаку.

– Наверх загнал и в комнате запер, а то ведь эти черти не дадут спокойно поговорить. Забалованы настолько, что могут и на колени запрыгнуть, и бухнуться на пол животом вверх, чтобы им его почесали, – объяснил Попов и сказал: – Лев Иванович, я подумал, что вы не будете против, если в нашем разговоре примут участие мои коллеги. Дело-то общее.

– Алексей Юрьевич, а вы не забыли, что я не первый год замужем? – довольно жестко поинтересовался Гуров. – Я приехал сюда исключительно из уважения к вам, а не для участия в закрытых совещаниях на высоком уровне. Я для этого ни званием, ни положением не подхожу. Кроме того, умозрительно я готов допустить вероятность того, что на нашего президента может быть совершено покушение, но совершенно не верю в то, что это намерение может быть реализовано. Во всяком случае, со своей колокольни я такой возможности не вижу.

– Но ведь есть и другие колокольни, верно? – ровным голосом спросил Попов. – Поверьте, те люди, которых я жду в гости, не привыкли пугаться по пустякам, тени своей не боятся и от малейшего шороха не вздрагивают. Если они разделяют мои опасения, то причины для этого у них есть. Вы являетесь экспертом в определенной области, и им хотелось бы узнать ваше мнение. Такое объяснение вас устроит?

– Вполне. – Лев Иванович кивнул. – Буду рад, если смогу оказаться полезным. Прошу извинить за несдержанность.

– А разве вы были несдержанны? – Алексей Юрьевич усмехнулся. – Но что же вы все стоите? Присаживайтесь!

– Радикулит, – вынужден был признаться сыщик. – Вчера на холодной земле посидел, и вот результат. Давненько он меня не навещал!

– Простите, тут моя вина. – Алексей Юрьевич горестно покачал головой. – Я как-то упустил это из виду, да и Степан не догадался вам что-нибудь из лодки принести.

– Бросьте. Мне самому пора уже умным быть и помнить, что я не мальчик, – успокоил его Лев Иванович.

– Но я теперь хоть отчасти понимаю ваше нервное состояние. Болеть, конечно, очень неприятно, – сочувственно сказал Попов.

Тут раздался звонок, и он пошел встречать гостей. Одного из них Гуров знал – кто же не знает главу администрации президента Олега Михайловича Александрова? – а вот имена

остальных ему ничего не говорили. Процедура представления много времени не заняла. Потом все прошли в столовую и расселись вокруг стола, накрытого для чая.

Гуров опускался на стул медленно и осторожно, но боль все равно стрельнула. Он постарался замаскировать свою гримасу подобием улыбки.

– Лев Иванович, пока я чаем займусь, вы расскажите моим коллегам свое видение ситуации, – предложил Попов.

Гуров очень сжато, но исчерпывающе высказал свое мнение.

После недолго молчания Александров уверенно сказал:

– Можете забыть о втором варианте. Это не тот случай.

– Тем лучше, – заметил Лев Иванович. – Но и в первом варианте может существовать второй пункт, да и подпункты тоже. Я бы хотел, если возможно, прояснить для себя некоторые моменты.

– Спрашивайте, – разрешил Александров.

– Алексей Юрьевич сказал, что в своих подозрениях опирается на ощущения, но они подкреплены некими косвенными доказательствами. Я могу узнать хотя бы в первом приближении, что они собой представляют?

– Скажем так, некоторые сотрудники отдельных посольств резко активизировались, – обтекаемо ответил тот.

– Больше ничего? – уточнил Гуров, но ответа не получил и продолжил: – Это по времени как-то совпадает с моментом начала подготовки пакета законов?

– Нет, эти документы начали подготавливаться довольно давно. Но реалии жизни заставляли нас постоянно вносить в них определенные изменения. В конечном варианте они даже сейчас еще не до конца доработаны. А активизация произошла относительно недавно.

– Господа! – подумав немного, начал Гуров. – Я ничего не понимаю в высокой политике, теории заговоров и так далее. Я просто практик и, простите за выражение, собаку съел на заказных убийствах, поэтому буду рассматривать данную ситуацию именно с этих позиций.

– Поэтому нас и интересует ваше мнение, – сказал Олег Михайлович.

– Итак, вариант первый, пункт первый. В этом случае ликвидация президента является не целью, а средством ее достижения. Теперь подпункт номер один. Если это захват власти, то исполнителем будет обязательно русский человек традиционной сексуальной ориентации, обиженный властями. Например, отставной офицер, участник какой-либо войны, допустим, чеченской, многодетная мать, человек, живущий в аварийном доме без перспектив получить нормальное жилье. Список можно продолжать до бесконечности, но я думаю, что суть изложил достаточно ясно. При таком раскладе злодей и жертва меняются местами. Злодеем люди будут считать президента, который вот до чего народ довел, а жертвой – его убийцу. Именно ему в данной ситуации все будут сочувствовать. Логично?

– Вполне, – согласился Александров. – А что собой представляет подпункт номер два?

– Допустим, целью акции являются массовые беспорядки со всеми вытекающими последствиями. Этот сценарий был уже успешно претворен в жизнь во многих странах. Тогда исполнителем должен быть человек совершенно определенно не русской национальности. Вдобавок это может быть гомосексуалист, рьяный оппозиционер, отвязная девица вроде тех, что покуражились в храме Христа Спасителя, гастарбайтер и все в этом духе. В этом случае президент будет жертвой, а его убийца – злодеем. Нормальные русские люди начнут мстить за своего лидера, громить гей-клубы, избивать или даже убивать гастарбайтеров и так далее, что приведет к массовым беспорядкам. Полицию и ОМОН, которые попытаются навести порядок, мигом причислят к врагам народа. Вам придется прибегнуть к помощи армии. Впрочем, вы все это лучше меня знаете.

– А пункт второй? – поинтересовался Александров.

– Дело в том, что вы, простите, небожители, от реальной жизни давно оторвались и поэтому мыслите глобальными категориями. А я живу и работаю на земле, среди простых людей, страсти и эмоции которых сбрасывать со счетов тоже нельзя. Почему это не может быть просто личная месть? В таком случае ликвидация президента становится уже не средством достижения цели, а ею самой. Тогда заказчика нужно искать среди обиженных, а вот исполнителем может быть кто угодно. Алексей Юрьевич вчера сказал мне, что некоторые фигуранты известного коррупционного скандала были благополучно отпущены за границу.

– Да, к сожалению, нам пришлось это сделать, – подтвердил Олег Михайлович.

– Я свое мнение по этому поводу вчера уже высказал Алексею Юрьевичу, но вас оно вряд ли интересует, так что я, с вашего позволения, продолжу. Все мои дальнейшие слова будут чистой воды предположением, основанным на профессиональном опыте. Допустим, один из них затаил злобу и решил отомстить. Но это могло быть и коллегиальное решение. У всех них сохранились в России крепкие связи. В нашей стране кто-то сейчас ищет или уже нашел исполнителя.

– То есть пакет законов и возможное покушение никак между собой не связаны? Чем же вы тогда могли бы объяснить активизацию зарубежных агентов?

– Повторюсь, я не специалист и буду рассуждать исключительно с позиции здравого смысла. Я думаю, что подобные акции подготавливаются годами, а вы сказали, что агенты в посольствах активизировались относительно недавно. В этом случае можно предположить, что зарубежные спецслужбы узнали о планируемом убийстве. Это вполне вероятно, потому что вряд ли они оставили наших коррупционеров без присмотра. Вот ребята из-за кордона и решили посмотреть, что из этого выйдет. Вдруг прокатит? Получится – хорошо, а если сорвется, так они здесь ни при чем.

– Иначе говоря, они заранее подготовили людей, в данном случае нашу непримиримую и радикально настроенную оппозицию, и теперь просто ждут: давать им отмашку или нет? – спросил Попов.

– Именно так, – подтвердил Гуров. – По поводу киллера. У каждого из этих коррупционеров были здесь доверенные люди, среди которых мог быть и уголовник, необходимый для выполнения особо грязных дел. Соучастнику заказчика, находящемуся в России, очень просто связаться с таким человеком и заплатить, чтобы тот нашел высокопрофессионального исполнителя. Это ведь не алкаша за бутылку нанять, чтобы соседу голову проломил. Я не знаю, что нового или толкового вам сказал, но в данном конкретном случае смогу быть вам полезен. Дело в том, что в силу определенных обстоятельств я пользуюсь уважением среди некоторых вменяемых крупных криминальных авторитетов и воров в законе, поэтому могу, если надо, попытаться узнать у них, не искал ли кто-нибудь серьезного, зарекомендовавшего себя в деле исполнителя.

– Да, это надо сделать, причем срочно, – согласился Александров.

– Тогда вам, если получится, нужно попытаться уговорить президента временно воздержаться от появлений на публике, – предложил Лев Иванович.

Тут вдруг сзади него раздался мужской голос, известный всей России, который невозможно спутать ни с каким другим:

– А вот это предоставьте решать уже мне!

Все сидевшие за столом тут же встали, а вот Гуров остался сидеть, потому что просто не смог бы быстро подняться. Человек обошел стол, и Лев Иванович увидел президента. Да, это был он. Внешность, фигура, голос – все его!

Президент гневно уставился на наглеца, посмеявшегося сидеть в его присутствии, и Попов поспешно объяснил:

– У полковника Гурова радикулит, он просто не может встать.

– Хорошо, – заметил президент, сел напротив Гурова и стал его рассматривать.

Впрочем, процесс был взаимным. Все остальные стояли.

Наконец сыщик, который все понял, не выдержал и сказал:

– Между прочим, в радикулите ничего хорошего нет. – Он вздохнул и продолжил: – Извините, не знаю, как к вам обращаться.

– Как все: «господин президент», – холодно ответил тот.

– Да бросьте вы. – Гуров поморщился. – Из вас такой же президент, как из меня оперный тенор. Я преклоняюсь перед вашей готовностью погибнуть во благо России, но это не поможет вам достоверно изобразить президента. – Он обратился к остальным: – Да садитесь вы! Свита достойно сыграла короля. Это он сам не справился со своей ролью.

– Что вы себе позволяете? – возмутился подставной президент.

Участники мероприятия вернулись на свои места, и Александров удивленно спросил:

– Как вы догадались? Ведь их невозможно отличить друг от друга!

– Господа, за свою службу в милиции я допросил очень многих людей, а среди них гениальные лицедеи попадались! Играли они передо мной не ради аплодисментов или денег. У них на кону стояла свобода, а то и жизнь. Так что я всякого насмотрелся, стал профессионалом в своей области. Иначе вы не пригласили бы меня сюда, – устало сказал Гуров.

– Но как вы их отличили? – настаивал Олег Михайлович. – Для нас это очень важно.

– Хорошо. – Гуров вздохнул и начал объяснять: – Президент России приезжает в дом одного из своих подчиненных. Вероятный вариант. Он скрывается в соседней комнате и слушает, что я говорю, чтобы, предположим, меня не смущать. Очень маловероятно, но допустимо. Он вошел в комнату, и все встали, а зачем? Это же не официальное мероприятие, где подобное предусмотрено протоколом. Поздороваться? Но вы все вместе приехали, значит, виделись. Я же просто не смог быстро встать, остался сидеть. Этот человек стал прожигать меня гневным взглядом. Скажите, кто я по сравнению с президентом России? Никто! Один из многих полковников полиции. Да президент такого человечка в упор видеть не должен, а он меня вместо этого взглядом прожигает! Скажите, если ему на костюм голубь нагадит, он будет за ним гоняться?

– Вы правы, – согласился Александров. – Это наше упущение.

– Идем дальше, – продолжил Лев Иванович. – Как только Алексей Юрьевич объяснил, что у меня приступ радикулита, этот мнимый президент испытал явное облегчение от того, что ему самому не пришлось разруливать эту ситуацию. Вы могли не заметить, а у меня глаз наметанный. Что он сказал? «Хорошо». – Гуров покачал головой. – Слово «сочувствую» здесь оказалось бы куда более уместным, и тема была бы закрыта. Потом я начал практически хамить, и президент растерялся. Это наш-то, с его мгновенной реакцией! Я не читал книг, написанных о нем, но, судя по тому, что даже сейчас в его речи порой проскальзывают весьма крепкие выражения, в молодости он пай-мальчиком точно не был. Да и сейчас ответил бы так, что мало мне не показалось бы.

– Вот здесь мы с вами целиком и полностью согласны. – Олег Михайлович рассмеялся, следом за ним заулыбались и остальные.

– В общем, если вам интересно мое мнение, этот человек способен заменить президента на каких-то протокольных мероприятиях. Но с людьми ему лучше не общаться, а с теми, кто лично знает президента, – категорически противопоказано. Если покушение когда-нибудь будут готовить зарубежные спецслужбы, то у них обязательно есть все без исключения записи выступлений и появлений на публике нашего президента. Они изучили их до последнего кадра, так что легко смогут отличить настоящего от двойника. Но это вы лучше меня знаете. Если у вас ко мне все, то я бы хотел уехать. Чувствую я себя действительно неважно, а мне еще нужно будет кое с кем сегодня созвониться и встретиться, если получится. Надо же узнать, не искал ли кто-нибудь киллера. – Гуров стал медленно подниматься со стула.

Выглядеть такой развалиной при посторонних людях было стыдно, но куда деваться? Лев Иванович начал осторожно выпрямляться и тут же застыл памятником самому себе, переживая, когда притерпится к боли.

– Лев Иванович, нам нужна ваша помощь, – подумав, сказал Александров.

– А мне, кажется, нужна «Скорая помощь», – попытался пошутить Гуров, а потом уже серьезно произнес: – Если я смогу быть полезен в чем-то еще, сделаю все, что в моих силах.

– Не беспокойтесь, с лекарством поможем, – пообещал тот. – Сегодня вам его домой привезут, сделаете один укол на ночь, а второй – утром и забудете о радикулите. У меня к вам предложение. В понедельник вы приедете на работу и узнаете, что официально прикомандированы к группе сотрудников ФСБ, которые занимаются расследованием известного вам дела. Но вы можете там даже не появляться – все будут предупреждены. На самом деле вы с Алексеем Юрьевичем будете работать у нас, изучать материалы по коррупционерам, выпущенным за границу, потому что готовили по ним доклад и уже в теме. Проанализировав собранные данные, вы вдвоем постараетесь вычислить, может ли быть среди них заказчик, к чьей помощи он мог бы прибегнуть в России. Это не говорит о том, что все остальные версии не будут отрабатываться, но эта – за вами. Любое возможное содействие вам будет оказываться незамедлительно. Если вы согласны, то второй стол в кабинет Алексея Юрьевича поставят уже сегодня.

– Я согласен, – просто ответил Лев.

– Вот и хорошо, значит, завтра и приступите.

Изо всех сил стараясь выглядеть достойно, Гуров дошел до машины. Теперь ему предстояло как можно непринужденнее сесть туда, а с этим было сложнее. Скрипя зубами от боли, Лев Иванович осторожно складывал себя, как детский конструктор, пока наконец-то не оказался за рулем. Он понимал, что действие обезболивающего проходит и скоро ему станет совсем невмоготу.

Сыщик прямо из машины позвонил вору в законе Монаху, человеку вменяемому и очень авторитетному в криминальных кругах:

– Привет! Это Гуров. Как Бог грехи терпит?

– А куда он денется? Чего это голос у тебя странный?

– Кокетничаю, – буркнул Лев Иванович. – Нам бы с тобой встретиться срочно надо.

– Это тебе надо, а мне без нужды. Я перед тобой уже достаточно насиделся в свое время, – огрызнулся тот.

– Не глупи, Монах! Дело очень серьезное. Пригласи тех, кто поближе, только нормальных мужиков. Им тоже есть что послушать. Я сейчас из пригорода в Москву возвращаюсь, давай договариваться, где встретимся, – злясь, но все же стараясь сдерживаться, предложил Лев Иванович.

– Ты ранен, что ли? – насторожился уголовник. – Голос прямо срывается.

– Не дожدهшься! – выразительно сказал Гуров.

– Можно подумать, ты заговоренный, – съязвил Монах. – О чем хоть базар-то будет?

– Не телефонный разговор, – отрезал полковник.

– Ладно, через два часа к Макарычу подъезжай. Мне как раз времени хватит людей подтянуть. Послушаем, что ты за песни петь будешь.

Макарыч, а полностью Иван Макарович Коробейников был когда-то знатным вором, но потерял на лесоповале руку. Он перебивался кое-как, пока бывшие коллеги не нашли ему новое дело. Макарыч стал хозяином небольшой забегаловки. На самом деле куплена она была на общаковские деньги, а он ею просто управлял.

В ее первой, открытой и довольно обшарпанной части действительно толклись не лучшие представители человечества. А вот в заднюю половину, доступную только для своих, вел отдельный ход с тыльной стороны здания. Здесь и обстановка была другая, и напитки с едой подавались нормальные.

Тут можно было посидеть и поговорить, не опасаясь лишних глаз и ушей. Во всяком случае, очень многие серьезные переговоры между своими проводились именно в этом месте, но вот кровавых разборок здесь никогда не случалось. Это была нейтральная территория. Тот факт, что Гуров мог туда попасть, говорил о довольно серьезном уважении к нему.

Подъехав к забегаловке, он увидел, что других машин на стоянке пока не было. Посторонние люди не рисковали ставить туда свои тачки. Кому охота потом менять все четыре проколотых колеса?!

Гуров не хотел сидеть и ждать, а потом на виду у всех в раскоряку вылезать из автомобиля. Он решил зайти внутрь и пока что-нибудь перекусить. У Попова к чаю никто так и не притронулся, а завтрак, съеденный у Крячко, давно канул в небытие.

Персонал в заведении был соответствующий. Сыщика здесь знали, так что он ничем не рисковал. Гуров нажал кнопку звонка возле так называемого служебного входа.

Дверь ему открыл лично Макарыч и сообщил:

– Знаю, предупредили уже. А чего стряслось-то?

– Вот все соберутся, тогда и скажу, – пообещал Гуров. – Дай пока перекусить что-нибудь, а то с утра не ел.

– Проходи, дорогу знаешь, – пробурчал тот. – А я сейчас распоряжусь.

Лев прошел в прилично, но не шикарно обставленную комнату и сел спиной в угол. Он, конечно, знал, что от стариков подлости ждать не следует, но вот молодые и борзые были непредсказуемы.

Разбитная девица поставила перед ним салатницу с оливье и котлету с гречневой кашей. Незатейливо, но гарантированно вкусно. У Макарыча умели готовить.

Гуров уже заканчивал есть, когда послышался шум и в комнату вошли Макарыч и Монах. При них был Филин, хоть и не законник, но человек очень авторитетный. Следом за порог шагнул Ларек, мало чем уступавший по влиянию Филину. Начинать он когда-то именно с того, что грабил ларьки, за это и получил кличку.

Последним шагнул за порог здоровенный молодой парень. Судя по виду, он не так давно выбился наверх из рядовых бойцов. Лев Иванович не знал его, но был уверен, что понтов у этого субъекта больше, чем у сучки блох. Конечно, Гуров предпочел бы говорить только со стариками, но выбирать не приходилось.

– Ба! Тут, оказывается, новый хозяин появился. А Макарыча, выходит, побоку? – заорал парень, живое воплощение поговорки «Сила есть – ума не надо».

– Сядь, Кузя, и помолчи! – цыкнул на него Филин.

Парень обиделся, но протестовать не решился, а Гуров тем временем обратился к Ларьку:

– Тебе же еще как минимум три года сидеть.

– Недавно вышел по УДО, – довольным голосом сообщил тот. – Теперь вот жирок снова нагуливаю. А чего с тобой случилось? Макарыч сказал, что ты из машины так вылезал, словно тебя через камнедробилку пропустили.

– Трепло ты, Макарыч, и язык у тебя без костей. – Гуров добавил к этим словам осуждающий взгляд. – Давайте к делу. Все вы меня много лет знаете...

– Я не знаю, – опять влез Кузя.

– И не дай бог тебе его поближе узнать, – пожелал ему Монах. – Вообще помолчи! Дай поговорить.

– Так вот, вы меня хорошо знаете. Скажите, я когда-нибудь поступил с кем-то из вас или с другими не по справедливости?

– Гуров, зачем нам эти песни? – спросил Филин. – Нам и так известно, что ты честный мент. Мы бегаем, ты нас ловишь, а там уж как кому повезет. Слову твоему верить можно. Только ты что-то издалека начал, а это настораживает.

– Хорошо, скажите, я вас когда-нибудь о чем-нибудь просил? По-крупному, всерьез?

Старики переглянулись, и Монах ответил за всех:

– Не было такого. По мелочи – да! Например, безбашенную молодежь приструнить, чтобы не беспредельничала, еще кое-что в этом духе, а по-крупному – нет.

– А вот теперь я прошу вашей помощи, – очень серьезно сказал Лев Иванович. – Дело в том, что в Москве готовится заказное убийство. Если оно произойдет, то обязательно отразится на жизни каждого из нас, причем совсем не в лучшую сторону. Мне нужно знать, искал ли кто-нибудь высокопрофессионального киллера, нашел ли и кто эти люди.

– Ты что, нас за сук держишь? – взревел Кузя.

– Действительно, Гуров!.. – Монах покачал головой. – Ты фильтруй базар.

– Значит, не поможете? – спросил Лев Иванович.

– Нет! – твердо сказал Филин.

– Если бы тебе что-то лично для себя надо было, мы бы не отказали, а так извини, – добавил Ларек.

– Тогда у меня к вам вопрос не в тему: законы не жмут? – зло проговорил сыщик. – А то ведь может случиться так, что и мораторий на смертную казнь отменят и срока за тяжкие увеличат. Суд присяжных прикроют на хрен, отпускать под залог никого не будут, подписку о невыезде похерят. Вместо домашнего ареста будет реальный. Адвоката, как когда-то, вы только по окончании следствия увидите, а про УДО я вообще молчу. Как вам такой расклад?

– С какого это перепугу будут весь УПК переписывать? – насторожился Монах.

– А почему нет? – Гуров сделал вид, что удивился. – Один президент такие законы принял, а другой свои установит. А может случиться и так, что вы на своей земле под чужую дудку плясать будете. Если, конечно, живы останетесь.

– Ты такими вещами не шути! – грозно сказал Ларек.

– А что, похоже, что у меня такое веселое настроение? – язвительно спросил Лев Иванович. – Или я к вам на посиделки от нечего делать полуживой приперся?

– Значит, вот на какую дичь охотника ищут, – медленно сказал Макарыч.

– А я не въехал! – не удержался и все-таки влез Кузя. – Какая дичь, какой охотник?

– Прав ты, Гуров, – задумчиво сказал Монах. – Тут такое начнется, что головы у всех подряд полетят. Надо народ собирать.

– Стоп! – резко сказал Лев Иванович. – Я вам ничего не говорил, а вы ничего не слышали. Никого собирать не надо. Нужно очень тихо и деликатно поговорить со знающими людьми с глазу на глаз, с каждым по отдельности. Но срочно! Как вы это будете объяснять, придумайте сами. Никакой огласки и шума! – предупредил Гуров. – Не дай бог, журналоги что-то пронюхают. Тут и биржа рухнет, и рубль до центра Земли обвалится. Да и народ, хотя еще ничего не произошло, может подняться! Тихо надо!

– Мне бы до этих сук только добраться! Я их своими руками живых на клочки рвать буду! – Филин яростно оскалился.

– А я так и не понял, о чем вообще базар? – опять встрял Кузя.

– Молодой еще, потому и не понял, – отмахнулся от него Ларек.

Старики переглянулись, посмотрели на Кузю. Потом Макарыч, Монах и Филин осуждающе глянули на Ларька. Видимо, это он привел парня.

Помолчав, Монах сказал:

– Ты иди, Гуров, лечись. Как с тобой связаться, я знаю.

– Только по телефону ничего не говори, а на Петровке меня в ближайшее время не будет, – предупредил Лев Иванович.

– Поучи меня щи варить, – задумчиво, больше для порядка огрызнулся Монах. – Будут новости, сюда приглашу, здесь и потолкуем.

Гуров начал осторожно, постанывая сквозь зубы, подниматься со стула.

Увидев это, Филин горестно покачал головой:

– Эка тебя скрутило! С чего бы это? На лесоповале не был, по тайге в побег не уходил, сидел себе в кабинете и бумажки перебирал. Не иначе как это тебе Божья кара за все наши страдания.

– Помолчал бы лучше, страдалец, – не выдержал Монах. – Куда тебя ни отправляли, везде умудрялся в библиотеке устроиться.

– Потому что филин – птица мудрая, – ехидно ответил тот.

А Кузя, простая душа, не иначе как из самых лучших побуждений, подошел к Гурову и одним рывком его выпрямил. Сыщик взвыл дурным голосом, но оказался в вертикальном положении.

Отдышавшись, он спросил:

– Макарыч, сколько я тебе должен?

– Иди отсюда, Гуров! – Тот махнул протезом. – Ты нам такое принес, а теперь со своими тремя грошами лезешь! Кузя, проводи его до машины и сесть помоги, а потом по своим делам езжай. Ты молодой, у тебя их много, не то что у нас, стариков.

Недоумевающий Кузя практически доволоч Гурова до машины, взглянул на нее и жалостливо сказал:

– Эх, ты! В таком авторитете у больших людей, а на чем ездешь?

– Так ты же, Кузя, слышал, что я честный мент, взятки не беру, вот на другую и не заработал, – ответил Лев Иванович, открывая дверцу автомобиля, и предупреждающе сказал: – Только помогать мне садиться не надо, а то сломаешь на хрен!

Около дома Гуров по частям вынул себя из машины, посмотрел на нее и вздохнул. Да, ничего, кроме жалости, его старая боевая подруга уже не заслуживала. Он кое-как добрался до квартиры, где был встречен обеспокоенной и заинтригованной женой.

Мария с порога ему заявила:

– Тут приезжал человек от какого-то Алексея Юрьевича и привез лекарство. Только, Лева, оно странное какое-то, на нем ни одного слова по-русски нет.

– Все правильно, это мне от радикулита, – прошептал Гуров, потихоньку добираясь до спасительного дивана. – Там ампулы должны быть. Один укол вечером, второй утром, и я буду как новенький.

Мария открыла коробку, но там оказались не ампулы, а готовые к использованию шприцы на пять миллилитров с длинной иглой и лекарством внутри.

– Маша, коли ты, а то я в таком состоянии не извернусь, – попросил Гуров.

Мария уколы делать умела, хотя и очень боялась, потому что рука у нее была, что называется, тяжелая, и они получались довольно болезненными. Но деваться было некуда, и она уколола.

Боль была терпимая. Лев Иванович, измученный всеми перипетиями этого сумасшедшего дня, сам не заметил, как заснул.

Поднявшись ночью по естественной надобности, он обнаружил, что лежит на спине, то есть во сне повернулся и не заметил этого. Гуров осторожно пошевелился и почувствовал, что некоторое неудобство в области поясницы еще есть. Но по сравнению с прежней болью это было настоящим блаженством.

Сыщик от избытка чувств чуть не поцеловал коробку с лекарством. Он сделал свои дела, вернулся на диван, тут же заснул и проспал до утра, как младенец.

Понедельник

Утром Лев Иванович получил второй укол, быстро собрался и поехал на работу. Крячко встретил его недовольным взглядом. Он все еще злился за то, что Гуров ему ничего не рассказал.

Но Стас увидел, как свободно двигается его друг, тихо обалдел и заявил:

– Лева, это как же? Я думал, ты сегодня если и приедешь, то в виде замысловатой буквы «зю», а вижу, что мой старинный друг разве что не скачет на одной ножке!

– Лекарство по случаю достал, – честно соврал Гуров. – Два укола – и никаких проблем. А в упаковке еще на восемь осталось, так что обращайся, если прихватит.

– Не лепите мне горбатого, гражданин начальник, – ехидно сказал Стас. – Знаем мы этот твой случай, который чудодейственными лекарствами разбрасывается. Попов подкинул?

– Неважно, – отмахнулся Лев Иванович. – Помогло, и ладно!

– Тогда пошли к Петру. Он тебя видеть жаждет по неизвестному мне поводу. Судя по его грозному виду, пойдут сейчас клочки по закоулочкам, – зловеще предрек Крячко.

– Как я понимаю, ты ему уже все вылепил? – гневно спросил Гуров. – А ведь тебя просили помолчать! Язык твой – враг твой! Не доведет он тебя однажды до добра!

– А с каких пор у нас троих секреты друг от друга появились? – Стас тоже разозлился.

– Есть наши секреты, а есть чужие, которые нам не принадлежат, – отрезал Лев Иванович. – Это как раз тот случай.

Генерал-майор полиции Петр Николаевич Орлов был прежде всего третьим, самым старшим членом этой компании друзей, а по совместительству – начальником их управления.

Он встретил их хмурым взглядом и официальным тоном заявил:

– С сегодняшнего дня полковник Гуров откомандирован в распоряжение ФСБ для участия в расследовании дела о коррупции. Как я понимаю, это только прикрытие. На самом деле он будет заниматься совершенно другими вещами.

– Есть! – коротко ответил на это Гуров, никак не прокомментировав предположение Петра.

Орлов, явно ожидавший объяснений, нахмурился еще больше, не сдержался и заявил:

– Ты бы, Лева, уже как-то определился, где ты служишь: здесь или у Попова. Приказ о твоем откомандировании подписан лично нашим министром! Это с каких пор он такими мелочами начал заниматься? Причем это произошло еще вчера, потому что мне его сегодня утром вручили, сразу после восьми, едва я пришел. Что это за дело такое необыкновенное, что Попов без тебя как без рук?

– Извини, но я не имею права говорить на эту тему, – твердо ответил Гуров. – Не понимаю, почему ты злишься. Я не развлекаюсь собираюсь, а работать. Так надо.

– Идите отсюда! Оба! – раздраженно бросил им Орлов.

В своем кабинете Лев Иванович недоуменно посмотрел на друга и спросил:

– Стас, какая муха Петра укусила?

– Лева, он просто человек, и ничто человеческое ему не чуждо, – вздохнув, ответил Крячко. – Обидно ему, понимаешь? Он ведь ничуть не глупее тебя. Ты сам это знаешь. Петр к должности и званию шаг за шагом по лесенке карабкался. Сколько он разносов выслушал, нервов своих истрепал, валерьянки и водки выпил, пока генералом стал! А уж как радовался, когда это наконец-то произошло! А ты как практически одним махом в полковники взлетел, так и решил на этом остановиться. Тебя хотят в звании повесить, а ты постоянно отказываешься.

– Да. Я не хочу быть генералом, чтобы потом за своих подчиненных отдуваться. За свои ошибки готов отвечать по полной, а вот за чужие – увольте! – раздраженно ответил Гуров.

– А твои друзья? – продолжил Стас. – Это же такие люди, к которым Петр при всех своих заслугах только на «вы» обращаться может, а ты к ним дверь едва ли не ногой открываешь. А теперь вот опять с администрацией президента работать будешь. Обидно ему, что он столько лет прослужил, а ничего этого у него нет, хотя он ничем не хуже тебя. Ты завтра со службы уйдешь, и всякие олигархи в очередь выстроятся, чтобы тебя в начальники службы безопасности заполучить. Платить тебе в месяц будут в несколько раз больше, чем он за год получает. А Петр? Вот уйдет он, а у него только одна пенсия и есть! Да и друзья – такие же старики-сослуживцы.

– Что конкретно ты от меня хочешь? – осведомился Гуров. – Чтобы я отказался от этой работы? Невозможно. Чтобы я стал другим человеком? Извини, – он развел руками. – Что выросло, то выросло! Скажи лучше, я когда-нибудь кому-нибудь подлость сделал? Не было такого. Может, я сам за высокопоставленными друзьями гоняюсь? Тоже нет. Или я в кабинете отсиживался, пока другие преступников брали? Да на мне, как и на тебе с Петром, места живого нет. Если не пулевое, то ножевое! Здоровье уже ни к черту! Неужто меня там, в администрации президента, клубника со сливками ждет? Обижается он на меня, видишь ли! Да что я сделал такого, чтобы на меня обижаться можно было?

– Ты просто везунчик, Лева! – тихо объяснил Стас.

– Ну, извини. Везение – категория физическая. Оно либо есть, либо нет. Но лично я себя везунчиком не считаю.

– Сплюнь три раза, а то сглазишь, – быстро посоветовал Крячко.

– Да брось ты, – отмахнулся Лев Иванович.

– Сплюнь, я сказал! – рявкнул Стас.

Исключительно для того чтобы отвязаться, Гуров трижды поплевал через левое плечо, а потом сказал:

– Ладно, я поехал, а то дел действительно невпроворот. Ты уж как-нибудь объясни Петру, что обижаться на меня не за что, а уж завидовать – тем более.

Этот разговор так выбил Гурова из колеи, что на Старую площадь он приехал в самых расстроенных чувствах. Оформление пропуска много времени не заняло, и вот он уже вошел в небольшой кабинет Попова, ждавшего его.

Как кто-то исхитрился впихнуть туда второй стол, хоть и небольшой, было уму непостижимо. Свободного места в помещении практически не осталось. На всем, чем только возможно, стояли коробки с документами. Увидев это, Лев Иванович невольно присвистнул.

– А вы чего хотели? – спросил Попов. – Здесь ксерокопии документов на четырех фигурантов. Так что на каждого из нас приходится всего по два человека. Это радует. Ваши на подоконнике, на стуле около окна, на сейфе и на полу возле вашего стола, а остальное мое. Все замечания, предложения, задания и так далее – только от руки на бумаге. Каждый день в восемь часов вечера мы с вами будем обо всем докладывать руководству. Если возникнет необходимость немедленных действий, то идем наверх по обстановке.

Гуров повесил пиджак в шкаф, закатал рукава рубашки, ослабил галстук и сказал:

– Ну, приступим, благословясь!

Посмотрев на коробки, он увидел, что ему достались Данилов и Куликов, и решил начать с первого из них. Лев Иванович уже знал о нем из материалов, которыми пользовался при подготовке доклада. Это была еще та сволочь!

Началась монотонная, рутинная, без погонь и перестрелок, совсем не романтичная работа сыщика. Какая же романтика может быть в анализе документов? Это не заложников освобождать или на ходу с вагона на вагон перескакивать.

Гуров внимательно просматривал бумаги и делал записи на двух листах. На одном были уже известные факты, которые могли представлять интерес. На втором – то, что еще надо выяснить. Схема старая, проверенная временем и еще никого никогда не подводившая. Практиче-

ски тот же план оперативно-розыскных мероприятий, только в вольном изложении. По мере убывания документов Лев Иванович находил ответы на некоторые вопросы, но у него появлялись новые.

– Давайте пообедаем, – предложил Попов. – Готовят у нас тут хорошо, всем нравится.

Гуров распрямил затекшую спину, прислушался к пояснице, понял, что она не подведет, и решительно поднялся. Есть ему действительно хотелось. Попов запер свой кабинет, и они пошли. В столовой очень вкусно пахло, но вот очередь впечатляла еще больше.

Сыщик наклонился к Попову и тихонько сказал:

– Алексей Юрьевич, не знаю, как вы, а я столько времени здесь терять не хочу – дел немерено. Я лучше вернусь сюда, когда основная масса людей разойдется. Что-нибудь да останется, не съедят же все подчистую.

– Вы правы, Лев Иванович. Давайте действительно придем сюда попозже, тем более что нам все равно работать допоздна, – согласился с ним Попов.

Они вернулись в кабинет и в результате пообедали уже где-то ближе к ужину. То, что в такой столовой продукты могут быть несвежими, Льву даже в голову не пришло. Так что, когда у него занял левый бок, он сразу же понял, что это проснулась поджелудочная. Что-то ей сильно не понравилось.

Гуров тайком от Попова выпил таблетки и продолжал работать. При этом он думал о том, как спастись, и получалось, что придется перейти на обеды быстрого приготовления. Сыщик уже опробовал их, поэтому знал, что их можно безбоязненно есть, если не добавлять туда специи. Он решил по дороге домой заскочить в круглосуточный магазин и затариться там хотя бы картофельным пюре.

Все, что касалось экономики, Лев не читал, лишь мельком просматривал на всякий случай. Так вот он наткнулся на один документ и даже присвистнул.

– Что-то нашли? – поинтересовался Попов.

– Список счетов Данилова в зарубежных банках, аж девять штук, но напротив пяти стоят крестики. Что это значит? Их Данилову оставили, или он, наоборот, исключительно добровольно перевел эти средства в какой-нибудь благотворительный фонд? – поинтересовался Гуров.

– Не отвлекайтесь, Лев Иванович, – Алексей Юрьевич поморщился. – Этим другие люди занимаются, а у нас своя задача.

Лев Иванович закончил с документами в одной коробке. Он собрал те, которые могли ему еще понадобиться, и положил на подоконник. Ведь стол ему выделили маленький, приставной, и ящиков в нем не имелось. В кабинете имелся кондиционер, и окно открывать было не надо. Сыщик убрал остальные бумаги в коробку, поставил ее на шифоньер и взял другую.

Попов же работал по другому принципу. Он сидел, весь обложившись бумагами, постоянно в них заглядывал и что-то писал. Что ж, у каждого своя метода.

В восемь часов вечера Попов повел Гурова в кабинет к Александрову. Там они отчитались о проделанной работе, отдали листки с перечнями вопросов и заданий и получили обещание, что все ответы будут готовы к завтрашнему утру.

– Оперативно, однако, – заметил Лев Иванович, когда они возвращались обратно в кабинет. – У вас всегда так или?..

– Или, – ответил Алексей Юрьевич. – Вы даже не можете себе представить, какая махина приведена в действие. Наверное, отправляйтесь домой, а я еще поработаю.

– А чего я там не видел? – Гуров усмехнулся. – У жены спектакль, не перед телевизором же мне сидеть.

Они снова взялись за бумаги. Вскоре в дверь постучали, а потом на пороге появилась крупногабаритная уборщица.

– А вот об этом-то мы и не подумали, – сказал Лев Иванович. – Как она здесь разворачиваться будет, если мы с вами по одному еле-еле протискиваемся? Вдруг ненароком свалит чего-нибудь или с вашего стола бумаги разлетятся? Мы же потом кучу времени потеряем на то, чтобы их все обратно в порядок привести. Как вы думаете, продержимся мы с вами несколько дней в пыли и грязи?

– Конечно, Лев Иванович! – тут же согласился с ним Попов. – Вера Петровна, давайте с вами договоримся, что генеральную уборку вы устроите здесь, когда мы работу закончим.

– Как скажете, Алексей Юрьевич, – охотно согласилась она и попросила: – Только начальство мое предупредите и цветы поливать не забывайте. В бутылке вода для них отстаивается. Батюшки! А цветы-то куда делись? – обомлела она.

– Слишком много места занимали, вот и пришлось их вынести, чтобы коробки было куда поставить, – объяснил Попов. – Потом обратно занесут.

Женщина покивала и ушла.

Когда дверь за ней закрылась, Алексей Юрьевич добавил:

– Коробки в сейф никак не поместятся, а оставлять документы без присмотра не хотелось бы.

– Вы думаете, кто-то может сунуть в них нос? – осторожно поинтересовался Лев Иванович, но ответа не получил и поэтому обтекаемо добавил: – Хотя вы правы. Береженого бог бережет.

Около двенадцати часов Лев поймал себя на том, что уже в пятый раз читает одну и ту же фразу, но никак не может понять ее смысл, и решительно заявил:

– Не знаю, как вы, Алексей Юрьевич, но я больше ничего не соображаю. Не пойти ли нам по домам, чтобы завтра продолжить с новыми силами и ясной головой? А то засиделись мы с вами сегодня. Мне-то до дома недалеко, а вот вам еще ехать и ехать.

– Я временно, в связи с этими обстоятельствами, в городе живу. Здесь недалеко, – объяснил тот. – Я сейчас дежурную машину возьму, устал так, что не рискну сесть за руль.

Они вышли из кабинета. Алексей Юрьевич не только запер дверь, но и опечатал ее, а потом на выходе предупредил, что ключ возьмет с собой. Они разъехались.

По дороге домой Лев Иванович думал о том, что не все так безоблачно в Датском королевстве, раз Попов предпринимает такие меры предосторожности. Хотя, может, это просто привычка опытного разведчика-нелегала? Кто его разберет?

За этими мыслями он совершенно забыл о том, что собирался заехать в супермаркет за обедами. Сыщик вспомнил об этом только дома. Мария выразительно посмотрела на часы, а потом на него. Она давала понять, что сидеть на службе до такого времени просто неприлично.

– Маша, я временно работаю не на Петровке, а в другом месте, – начал устало объяснять Гуров. – Дело сидячее, опасности никакой не представляет. Бумажки перебираю, голова от них уже совершенно дурная. Предупреждаю сразу, что в течение некоторого времени я буду засиживаться допоздна, пока все не разберем. Вопросы есть?

– Есть. Кушать будешь? – поинтересовалась она.

– Нет, что-то не то я сегодня в столовой съел, вот поджелудочная и разбушевалась. А для нее что главное? Холод, голод, покой. С завтрашнего дня перейду... черт! Я же забыл в супермаркет заехать! Уже ничего не соображаю. Ладно, завтра перед работой заскочу.

Лев Иванович в автоматическом режиме побрел в спальню, кое-как разделся и рухнул на кровать. Мария подобрала его одежду, понюхала, не почувствовала запаха чужих духов, успокоилась и тоже легла спать.

Вторник

На следующий день Гуров проснулся как обычно, в шесть утра. Но он решил не искушать судьбу и отложить зарядку до лучших времен, когда никакие сюрпризы со стороны поясницы ему гарантированно грозить не будут.

В тех случаях, когда обычный распорядок дня нарушен, мы всегда считаем, что у нас в запасе еще много времени. Вот и Гуров засиделся за завтраком на кухне с Марией. Ведь у него не было ключа от кабинета, поэтому приезжать на работу раньше Попова не имело смысла. В результате же ему пришлось собираться в авральном порядке, и он, естественно, опять не заглянул в супермаркет.

Как оказалось, Попов приехал на работу к восьми часам утра. Гуров тут же взял это на заметку и решил, что теперь тоже будет приезжать пораньше. Все ответы на вчерашние вопросы уже лежали у него на столе. Лев Иванович восхитился оперативностью работы, да вот только особой пользы от новой информации не было.

Сыщик закончил с документами по Данилову и написал очередной перечень вопросов и заданий. Потом он взялся за Куликова, и все опять началось сначала. Попов тоже работал, не отрываясь.

Иногда они вставали, чтобы размяться, по одному – иначе просто не разминувшись бы. От непрерывного сидения и ноги отекали, и спина уставала.

Вот в один из таких моментов Гуров и увидел, что Алексей Юрьевич сосредоточенно и задумчиво смотрит в окно. Сыщик взглянул туда же, но ничего примечательного не заметил – окно выходило во двор. А это могло значить только одно: Попов что-то нашел.

Лезть с вопросами Гуров, конечно же, не стал. Захочет, так сам скажет. Но ему стало обидно – у него-то ничего особенного не было. Или он это пропустил? Сыщик разозлился на себя, принялся рьяно изучать документы дальше.

Тут зазвонил его телефон. Это был Монах.

– Жду тебя там, где в прошлый раз встречались, – сказал он.

Гуров тут же вскочил и сказал:

– Алексей Юрьевич, мне надо по нашим делам отъехать.

– Да-да, Лев Иванович, конечно, – выйдя из своего странного состояния, проговорил Попов.

Что такое Москва в середине рабочего дня, знают даже люди, живущие далеко за ее пределами. За время своей службы Гуров изучил город досконально, поэтому хитрыми путями добрался до забегаловки Макарыча довольно быстро. Там он увидел озадаченного Монаха и заметно удрученного хозяина заведения.

– Что случилось? – Сыщик даже несколько растерялся.

– То и случилось, – буркнул Монах. – Я честно скажу, тогда тебе до конца не поверил. Не укладывалось у меня это в голове!

– Ты меня от дел оторвал, чтобы только это сказать?

– Успокойся! – огрызнулся тот. – Короче, в городе все спокойно. Есть людишки, которые ищут человека, чтобы ближнего своего замочить: мужа, жену, делового партнера, конкурента и так далее. Но это дело обычное. Только вот непонятка одна организовалась. Выяснил я, что Мотя киллера искал, причем не шелупонь, а человека надежного и в деле проверенного, для серьезной и денежной работы.

– Мотя? А это кто? – удивился Гуров.

– Конечно, ты его знать не можешь. Не твоего полета птица, так, шпана переулочная, но срок мотал, хоть и недолго. Начинал при Кирпиче, потом по наследству к Трофиму перешел. Того грохнули, свара началась. Каждый одеяло на себя тянул, вот народ и разбежался. Мотя

сам по себе – пустое место, вот он к Леньке Халве и прибился. А Халва у Трофима был, хоть и недолго. Человек он совсем не наш: баланду не хлебал, нары не нюхал, зону не топтал. Спортсменом каким-то был, но что-то там у него не срослось. Пошел в водители к жене какого-то крутого типа, но умудрился с ней спутаться и получил коленом под зад. Потом он народишко собрал и стал машинами промышлять. Некоторые разбирали на запчасти, часть возвращали за выкуп, что-то отгоняли на Кавказ. Взяли их всех тогда. Халва еще сидит, а Мотя уже вышел. Мы его всем миром искали. Дома он уже неделю не появлялся, вещи все на месте, не похоже, чтобы куда-то уехал. Девка его не знает, куда он делся. Ей действительно это неизвестно, – с нажимом произнес Монах, давая понять, что разговаривали с ней без особого почтения. – Мы тут людишек потрясли и узнали, что деньги у Моти в последнее время появились. Для него солидные. Откуда? Неизвестно.

– Все? – спросил Гуров, и Монах кивнул. – Квартиру его обыскивали?

– Посмотрели, но чтобы основательно все там перетрясти, так нет.

– Деньги нашли? – поинтересовался Лев Иванович. – Если у него появилась солидная сумма, то вряд ли он всю ее с собой таскал. Если денег в квартире и у бабы его нет, то не исключено, что Мотю за них кто-то грохнул. Либо он сам прихватил их и слинял.

– Денег не было, – твердо сказал Монах, встретил недоверчивый взгляд Льва Ивановича и заявил: – Знаю я, что ты сейчас подумал. Что мои парни их прибрали. Так вот, не тот случай! Если бы деньги были, они бы мне сказали.

– Но могли и просто не найти, – заметил Гуров. – Ладно, я этим сам займусь. Мне нужны все данные на Мотю и Халву.

– Держи, все, что знали, написали. – Макарыч протянул ему несколько листков. – А что еще ты в его квартире найти хочешь?

– Скажите, что собой Мотя представляет?

– По словам тех, кто его знал, парнишка умный, руки золотые, но характером жидковат, без стержня, – ответил Монах.

– Если он все концы с концами связал... – начал сыщик, но Макарыч перебил его:

– Человек его на хрен послал!

– Я сказал «если», – выделил Гуров. – Если Мотя не законченный кретин, то должен был понять, что как только он все сделает, тут же станет ненужным. Его, лишнего свидетеля, уберут. Мог он на этот случай как-то подстраховаться?

– Нормальный человек так и сделал бы, – согласился Макарыч. – Или резво унес бы ноги.

– Правильно. Все возможные кассы – это моя забота. Надежды на то, что он еще жив, мало, но работать в этом направлении все равно надо. Но возможен и другой вариант. Его могли просто за что-то задержать, и теперь он в СИЗО. Мне ли не знать, как районники дела закрывают? Найдут сиделого и навесят на него свои глухари. У вас же выходы на СИЗО есть, так что пробежите на всякий случай, не там ли он.

– Сделаем, – пообещал Монах. – Но ведь тебе это еще проще выяснить.

– Не могу я сейчас светить свой интерес к нему, – объяснил Гуров. – А по больницам и моргам вы его искали? Он ведь среди неопознанных может быть.

– В городе его нет, – уверенно заявил Монах. – Я же тебе сказал, что мы его всем миром искали. Если только в области?.. Ладно, проверим.

– Тогда устрой мне встречу с тем человеком, к кому он обращался, – попросил Лев Иванович.

– И в мыслях не держи! – отрезал Монах. – С ума, что ли, сошел?

– Пойми – надо! – твердо сказал Гуров. – Хоть с завязанными глазами, хоть через занавеску, но я должен с ними побеседовать и узнать, что конкретно говорил Мотя. Ты же сам сказал, что он шпана переулочная, его бы к серьезному человеку и на пушечный выстрел не подпустили, а сразу – в зубы и на улицу. Значит, не просто так он к нему пришел, а сослался на

кого-то, человека солидного и заслуживающего доверия. Будь иначе, ему бы слово «киллер» даже выговорить не дали. А вдруг подстава? На кого он ссылался? Ты пойми, мне заказчик нужен. Или хотя бы посредник.

– Подведешь ты меня под монастырь, Гуров! – Монах покачал головой. – Ладно, попробую с ним поговорить. Может, и согласится. Сам-то он от серьезных дел давно отошел.

– Так что ж ты к нему обратился? – спросил сыщик.

– Кузе спасибо скажи. – Монах усмехнулся. – Он из нашего разговора тогда ничего не понял, но отцу все передал. А у того башка варит, он сразу смикитил, что к чему, вот мне и позвонил. Он, знаешь ли, тоже не в восторге от того, что может приключиться. У него сейчас бизнес легальный, налаженный, потрясения ему не нужны.

– Только вот с сыном не повезло, – заметил Гуров.

– Да он и сам по молодости был дуб дубом, это уже потом пообтесался, – объяснил Макарыч. – Вот и попросил нас, чтобы мы за сыном его присмотрели, уму-разуму научили, с людьми познакомили. Сам-то он из дома почти не выходит.

– Похоже, я знаю, о ком ты говоришь.

– Вот держи свои знания при себе, – недобрый тоном посоветовал ему Макарыч.

– Да я и так не из болтливых, – напомнил ему Лев Иванович. – Но если этот человек Моте отказал, то возникает вопрос: к кому тот еще мог обратиться? Если его действительно убрали, или же он оперативно слинял от греха подальше, это значит, что Мотя кого-то уже нашел. Причем не проходимца, который вытянул бы столько денег, сколько получится, и смылся бы с ними, а настоящего профи, который дорожит своей репутацией.

– Да, мы со всеми уже поговорили, – пожал плечами Монах. – Больше вроде никого из серьезных людей не осталось.

– Есть у меня одна мысль, – подумав, сказал Гуров. – Если Халва машины продавал, то должен был быть связан с кавказцами. Кто из них этим промышляет?

– Занимаются некоторые, – неопределенно ответил Макарыч.

– Выяснить, с кем конкретно работал Халва, возможно? – спросил Лев Иванович.

– Попробую, – пообещал Монах.

– Ты с Кузиным отцом не тяни, мне информация срочно нужна, – напомнил ему Гуров и встал.

– Позвоню сейчас, – отмахнулся тот и удивился: – Эка ты резво вскочил! Словно мячик новый, резиновый. Как вылечился?

– Бабка одна зашептала, – отшутился Лев Иванович.

Когда он ехал обратно на Старую площадь, у него зазвонил сотовый. Номер не определился, но сыщик понял, кто это может быть.

– Привет, Гуров! Мне сказали, что ты со мной поговорить хочешь. Я тебя слушаю.

– Поскольку мне посоветовали тебя не узнавать, я обойдусь без имени. Скажи, когда у тебя этот парень был?

– Дней десять назад. Сослался на своего самого первого хозяина, Царствие ему Небесное. Мы с ним корешами были. Вот я этого парня у него и видел. Он по технической части был. Руки у него золотые, но дурак дураком.

– Почему же он к тебе пришел? – удивился Гуров. – Ведь ты же никогда этим не занимался? Разборки не в счет.

– А к кому он еще мог сунуться? Из наших-то в живых почти никого уже не осталось. В Москве только я один и есть, а другие за бугор свалили. Как только он мне тему обрисовал, я его тут же выгнал.

– Как думаешь, к кому он еще мог обратиться? – спросил Гуров.

– Да какой нормальный человек с ним эту тему перетирать будет? Я согласился поговорить исключительно потому, что он сослался сам знаешь на кого. Другие в его сторону даже не посмотрели бы.

– Послушай, ты человек опытный, жизнь знаешь, вот и скажи: ему действительно был нужен специалист для серьезной работы, или он понты кидал?

– Ты его видел? Какой из него понтярщик? Человек ему действительно был нужен, но для кого, не сказал. Деньги он за посредничество предлагал очень немалые, а уж самому исполнителю горы золотые сулил. Но вот на кого именно того заряжали, он, как я понял, и сам не знал.

– Значит, не пустышка, – задумчиво сказал Лев Иванович.

– Если его, как говорят, замочили, то получается, что не пустышка.

– Ладно, спасибо тебе. – Сыщик усмехнулся. – Незнакомец!

– Не язви, Гуров! Типун на языке выскочит.

Приехав на работу, Лев спросил у Попова:

– Как вы думаете, если я прямо сейчас зайду к шефу, это будет удобно?

– Если для этого появился веский повод, то необходимо так и сделать, – серьезно ответил тот. – Что-то выяснили?

– Появилась одна версия, но для ее разработки потребуется привлечение некоторых лиц. Без высочайшего одобрения я этого сделать не могу, – объяснил Гуров.

– Да, самостоятельность у нас не поощряется, – подтвердил Попов.

К Александрову Лев попал на удивление быстро.

Он ценил время этого крайне занятого человека и начал очень сжато излагать свою версию:

– Один мелкий уголовник дней десять назад искал высокопрофессионального киллера для очень серьезной и денежной работы. Он обратился к человеку, который в свое время высоко котировался в московском уголовном мире, но получил твердый отказ. Судя по тому, что неделю назад этот уголовник исчез, есть предположение, что он киллера все-таки нашел, а сам после этого был убит либо сбежал, понимая, что может расстаться с жизнью. Его сейчас ищут. У меня есть информация на этого уголовника...

– Лев Иванович, но это же полная ерунда! – перебил его Александров. – Мелкий уголовник ищет киллера на сами знаете кого!

– Олег Михайлович, да, наши фигуранты пошли бы другим путем. Но ведь можно предположить, что они смирились со своей судьбой, не самой плачевной, заметим. Допустим, заказчиком является кто-то из их детей, посчитавший то, что произошло с отцом, крахом всех своих надежд, – проговорил Гуров.

– Да, это возможно, – подумав, согласился Александров.

– Деньги для оплаты услуг высококлассного киллера у дитяти есть, но как его найти? – продолжил развивать свою мысль Лев Иванович. – За границей такие спецы имеются, но их, во-первых, еще нужно суметь найти. Не в Интернете же объявление давать. Во-вторых, они не знают реалий российской жизни и будут здесь бесполезны. Охрана у отцов была государственная, к ней дитятко не сунется. Если у папаши и имелся какой-то уголовник для грязных дел, то он вряд ли его знает. Кто остается? Близкие, проживающие в России. Допустим, никто из них сам никогда с криминалом связан не был. Но есть, например, сосед-уголовник. К нему-то по просьбе дитяти его близкий и обратился. Тому действительно легче найти настоящего киллера, потому что он в этом мире свой, не со стороны. А высококвалифицированных отморозков, готовых на все ради денег, у нас после Чечни полно. По-моему, на данном этапе это вполне стройная версия, имеющая право на существование. У меня сейчас нет ни времени, ни возможности ее разрабатывать, поэтому прошу вашего разрешения подключить к делу своего напарника Крячко Станислава Васильевича и генерала Орлова Петра Николаевича. Мы много

десятилетий проработали в одной связке, понимаем друг друга без слов. За каждого из них я готов поручиться головой.

– На мой взгляд, все притянуто за уши. – Александров поморщился. – Но сам факт поиска наемного убийцы нельзя оставлять без внимания. Передайте эту информацию своим друзьям. Пусть они занимаются ею при условии, что будут молчать.

– Будут! – твердо заверил его Гуров.

Лев Иванович вышел от него, предупредил Попова, что ненадолго отъедет, потом позвонил Крячко и сказал:

– Стас, я сейчас подъеду. Ты и Петр нужны мне для серьезного разговора, но времени у меня будет очень мало.

– Что-то случилось? – насторожился тот.

– Приеду и все расскажу.

Зная своего друга, Крячко ждал его с огромным нетерпением. Едва Лев Иванович вошел, Стас схватил его за руку и потащил к Орлову. Тот при виде них радостью не лучился, но Гуров по-хозяйски прошел в комнату отдыха за кабинетом и поманил за собой друзей, очень удивленных его поведением.

Он закрыл дверь и сказал:

– Попрошу не материться, не орать и за грудки меня не хватать. Короче! Я занимаюсь этим делом, но категорически не верю в то, что на нашего президента готовится покушение. Но вот другие люди думают иначе. Может быть, для этого у них и есть какие-то конкретные основания, но тогда мне о них просто не сказали, потому что я таких не вижу. А вот информация любопытная у меня есть. Александров сказал, что все притянуто за уши, но разрешил подключить к расследованию вас при условии, что вы будете молчать.

От неожиданности Петр со Стасом даже слова не могли вымолвить, не то чтобы орать и материться.

Наконец Орлов прочистил горло и выдавил из себя:

– Лева, ты с ума сошел?

– Это с какого перепуга? – буквально пролепетал Крячко и попытался сформулировать вопрос, но это у него плохо получилось: – То есть не молчать, а то, что он... и вообще?

– Я высказываю не свое, а их мнение, – подчеркнул Гуров. – Помните разгром на самом верху, связанный с коррупцией? – спросил он, и его собеседники кивнули. – Четырех человек с семьями тогда выпустили за границу. Если бы их взяли, то разразился бы международный скандал. – Он показал глазами на потолок. – Там считают, что ноги могут расти оттуда. Но высокая политика – не наша епархия, мы сыщики. Сейчас расскажу, что я нарыл и что вам нужно будет делать, если вы, конечно, согласны помочь.

– Иди на хрен, Лева! – буркнул Орлов и потребовал: – Давай, что у тебя.

Гуров достал листки, переданные ему Макарычем, протянул их Петру и сказал:

– У меня не было времени посмотреть, да и вы потом почитаете, а я пока конспективно. Мотя искал классного киллера за большие деньги. Шваль он мелкая, но сумел пробиться к Кинг Конгу...

– Еще жив? – удивился Стас.

– Жив и даже со мной сегодня беседовал. Но все блюдет жуткую конспирацию. Имени мне не назвали, я сам по голосу узнал. Конг Мотю послал. Это было дней десять назад. Потом Мотя исчез. Уголовники его не нашли, как ни искали.

– Так вот почему все бегают как ошпаренные, – воскликнул Орлов. – Только слушок прошел, что какого-то олигарха заказали, а он об этом узнал и теперь ищет нанятого киллера, чтобы перекупить его.

– Никогда не сомневался, что у мужиков фантазия богатая. – Гуров усмехнулся.

– Так ты что, им правду сказал? – обалдел Петр.

– Они сначала отказались помочь даже мне. Должен же я был как-то их заставить? – немного смущенно ответил Гуров. – Да и не говорил я ничего впрямую, так, намекнул. Но тут уж они прониклись.

– Особо впечатляет словосочетание «даже мне», – ехидно вставил Крячко, уже отошедший от первого шока. – Кого хоть просветил-то?

– Монах, Филин, Ларек, Макарыч и Кузя, сын Конга, – перечислил Лев. – Но Кузя так ничего и не понял, пожаловался на свою тупость отцу, а уж тот сам и позвонил Монаху, который потом сообщил все мне. Давайте по делу. То ли Мотю убрали, потому что он нашел человека, связал его с посредником заказчика и стал лишним, то ли он сам сделал ноги. Это неизвестно. Говорят, что парень он неглупый, так что мог подстраховаться и кому-то что-то оставить в своей квартире или у бабы. Верю, что уголовники искали хорошо, но надо все перепроверить, квартиру обыскать, с бабой потолковать, других родственников выявить. Короче, его нужно найти, и лучше живым. Поднимите уголовное дело, выясните биографию до мельчайших подробностей, вплоть до того, с кем в детском саду на соседних горшках сидел, в школе учился, в молодости дружил, если переехал. Побывайте по его прежнему адресу и узнайте все там. Посмотрите, кто были его подельники. Вдруг Мотя скрывается у кого-то из них или друзей детства? Проверьте, не выезжал ли он из города. Пробеите сотовый Моти – кому он звонил, кто ему. Ну и все остальное сопутствующее. В общем, по полной программе. Господи, да кого я учу! – воскликнул Гуров. – Вы все сами лучше меня знаете. Для нас главное, кто именно его попросил найти киллера и кого он все-таки отыскал!

– Думаешь, он здесь при делах? – недоверчиво спросил Орлов. – Мелкий уголовник сумел за три дня найти профи для такого дела? Мне слабо в это верится.

– А вот я совсем не верю, – заявил Лев Иванович. – Но чем черт не шутит, особенно когда есть пункт второй. Я про Леньку Халву, при котором до его посадки состоял Мотя. Там, в бумагах, на него все имеется. Он и сейчас еще сидит. Промышлял угоном машин. Какое-то разбирал, некоторые возвращал за выкуп. Это говорит о том, что автомобили были очень дорогие. Часть продавал на юг. А кто у нас там этими делами промышляет?

– Понял, не дурак, – тут же отозвался Крячко. – Поднимаем дело Халвы, смотрим его подельников, кто вышел, кто сумел свидетелем пройти и сейчас на свободе, какие у него завязки в Москве и на юге и так далее.

– Воры по своим каналам тоже попытаются выяснить, с кем в Москве работал Халва, – добавил Лев Иванович.

– Выясняем, не появлялся ли Мотя поблизости от московских, – продолжил Крячко. – Можно в колонию к Халве смотаться и там с ним жестко потолковать. Может, кто-то остался не выявленным, а Мотя его как раз и знает? На Кавказе кого и чего только нет. За хорошие деньги там можно черта с рогами нанять, не говоря уже о киллере. И в Москву оттуда не ангелы с крылышками приезжают. Да, это реальный след, по нему можно работать.

– Если еще какие-нибудь светлые мысли по этому поводу вам в голову придут, смело воплощайте их в жизнь. Самое главное, придумайте обоснованный повод для всех этих поисков. Правда не должна выйти наружу ни при каких условиях, – сказал в заключение Лев Иванович.

– Да, мы скажем, что поступила агентурная информация, что Мотя причастен к тяжкому преступлению, объявим его в федеральный розыск, и дело с концом, – отмахнулся Стас.

– Тогда я поехал дальше с бумагами разбираться. Если появятся новости, тут же звоните мне в любое время.

– По пустякам дергать не будем, а как более-менее все срастется, тогда и позвоним, – пообещал Орлов.

Гуров ехал обратно и думал, что Петр, кажется, решил доказать, что старый конь борозды не портит. Ничего, пусть разомнется. А по поводу того, что они в этом деле могут что-то напорочить, Лев Иванович и вовсе не волновался. Не те люди.

Попова он застал все в той же позе, обложенного документами. Казалось, что он даже с места не вставал.

Гуров покачал головой и предложил:

– Пойдемте пообедаем, Алексей Юрьевич. Думаю, что основная масса народа уже схлынула и нам долго ждать не придется.

Попов согласился и поинтересовался, надевая пиджак:

– У вас что-то прояснилось?

– Появился свет в конце тоннеля, но вот того ли – неизвестно, – неопределенно ответил Лев Иванович. – А у вас что?

– По Тарасову совсем ничего, я его уже отработал. А вот по Богданову... – задумчиво сказал Попов. – Есть там один интересный персонаж. Представляете, он был правой рукой Богданова, но ни на одном сомнительном документе нет его подписи. Поэтому данного субъекта и уцепить-то не за что было. Сам он, естественно, всячески отрицал свою причастность к финансовым махинациям, да и Богданов с пеной у рта доказывал, что тот чист, как первый снег. А вот мне в такие вещи плохо верится. Этот персонаж смылся за границу вместе с Богдановым!

– У Богданова традиционная ориентация? – поинтересовался Лев, открывая дверь.

– Более чем – тот еще бабник! – выразительно сказал Алексей Юрьевич и попросил: – Лев Иванович, дверь закройте. Она со звукоизоляцией.

Гуров тут же сделал это, и Попов объяснил:

– Не стоит обсуждать в коридоре или столовой что-нибудь, относящееся к этому делу.

Замечание было совершенно справедливым. Лев Иванович тут же почувствовал себя школьником, заслуженно поставленным в угол.

– Но если Богданов так старательно выводил этого человека из-под удара, то их должно было что-то связывать. С учетом того, что Богданов – бабник, не может ли этот человек быть его внебрачным сыном? Тогда этим объясняется и забота, и то, что он забрал его с собой.

– Я об этом уже подумал и попросил навести справки. Родные дети у Богданова очень неудачные, способны только деньги тратить. Так что он, может быть, и видел в этом человеке своего преемника. – Попов пожал плечами.

– Почему «видел»? – уточнил Лев Иванович. – Они поссорились?

– У Богданова две недели назад случился инсульт. Прогноз нельзя назвать благоприятным, – объяснил Алексей Юрьевич. – Ну, пойдете!

В столовой уже почти никого не было, но и выбор оказался не такой богатый.

Глядя на то, как Гуров внимательно читает меню, Алексей Юрьевич спросил:

– Наша кухня не нравится?

– Просто поджелудочная барахлит, – объяснил Лев Иванович.

– Ой, это моя вина! – Попов сокрушенно покачал головой. – Кто же знал? – Он поймал недоуменный взгляд сыщика и объяснил: – То лекарство, что вам дали для лечения радикулита, при большой поджелудочной может вызвать обострение.

– Не корите себя, – успокоил его Гуров. – Что такое временное обострение, с которым можно нормально жить, по сравнению с приступом радикулита? Это даже не мелкие семечки.

Они вернулись в кабинет и снова взялись за бумаги. Попов, который все эти дни ни на что не отвлекался, уже, видимо, закончил с Богдановым. Теперь он писал очередной перечень вопросов и заданий. Гуров изучал документы на Куликова, вдруг зацепился за одну фразу и задумался.

Заметив это, Алексей Юрьевич спросил:

– Что-то нашли?

– Факт странный – дочь Куликова закончила обычную московскую школу. Она училась в восьмом классе, когда ее отец резко поднялся. Почему же он не перевел дочку в какой-нибудь престижный лицей? Сын Данилова, например, именно такой закончил. А как у ваших фигурантов?

– Они тоже пытались дать детям самое лучшее образование, которое, однако, тем впрок не пошло. А по поводу Куликовой объяснений может быть много. – Попов пожал плечами. – Не потянула бы сложную программу, решила, что при их резко возросшем материальном положении выгоднее стать первой там, где ее все знают. К тому же в этом возрасте начинают бушевать гормоны, первая любовь и так далее. Может быть, у нее был парень из этой же школы, вот она и не захотела с ним расставаться?

– Все возможно, – сказал Лев Иванович. – Но я думаю, что это все-таки проверить надо. Мало ли с кем она вместе училась. Выпускники престижного лицея или гимназии редко попадают на скамью подсудимых. Заботливые родители отмажут их, если они во что-то вляпаются. А вот в обычной школе – каждой твари по паре. Неизвестно, кто по какой дороге пошел.

Они снова погрузились в работу. К восьми вечера Гуров тоже закончил изучать документы на Куликова. Он составил новый перечень вопросов. Нужные документы были отложены в сторону, а остальные возвращены в коробки.

После того как они отчитались перед Александровым о проделанной работе, тот заметил:

– У вас как-то не очень получается вовремя пообедать. Так я распорядился. Теперь вы можете по телефону заказывать себе все прямо в кабинет.

– Спасибо, а то не хочется драгоценное время в столовой терять, – поблагодарил его Попов.

Они вернулись в кабинет. В этот раз Попов сложил все необходимые бумаги в папку, которую убрал в сейф.

Гуров оглядел непривычно пустые столы и удовлетворенно заметил:

– Мы с вами немало сделали.

– А завтра предстоит самое сложное – сводить все данные воедино, чтобы определить направление, в котором нужно будет работать дальше. Так что нам потребуются и ясные головы, и свежие силы. Мы заслужили право сегодня вернуться домой пораньше и хорошенько отдохнуть.

– Согласен, – сказал Лев Иванович. – Во сколько завтра встречаемся? В восемь или в девять?

– В девять. Я к своим за город поеду, соскучился ужасно. – Попов улыбнулся. – Хоть и шумно там, а как внуков на колени посажу, так спокойно на душе становится! Кот, бандит настоящий, а подладится под бок и мурлычет, головой об меня трется. Собака мотор моей машины услышит, так тут же встречать бежит! Лает, радуется! Почему-то решила, что я и есть ее самый главный хозяин, хотя с ней больше Степан занимается. Дом – он и есть дом! – Алексей Юрьевич рассказывал все это задушевно, с настоящей любовью.

Гурову, у которого ничего этого в жизни не было, вдруг страшно захотелось, чтобы его тоже дома встречала собака, на колени запрыгивал кот, а вокруг собиралась настоящая семья. Но длилось это всего несколько секунд, потому что он знал, что сам когда-то сознательно выбрал для себя именно такой образ жизни. Менять в нем что-то уже поздно. Что выросло, то выросло!

Гуров совершенно не умел завидовать. Он искренне порадовался за Попова.

Среда

На следующий день Лев Иванович приехал на работу и увидел, что Попов уже совершенно освободил свой стол, положил на него и прикрепил скотчем лист ватмана. Еще несколько таких же, свернутых в рулон, лежали на коробках.

– Если не возражаете, давайте отражать наши мысли графически, чтобы было нагляднее. Лично мне такая методика всегда очень помогала, – предложил Алексей Юрьевич.

– Согласен, так будет действительно нагляднее, – ответил Лев Иванович. – С кого начнем?

– Давайте по алфавиту, с Богданова, – сказал Попов, начертил на самом верху листа квадратик и вписал в него эту фамилию.

И началась работа. Гуров материалов на этого человека не читал, понимал не все и не сразу. Алексей Юрьевич многое объяснял ему.

Постепенно от первого квадратика во все стороны пошли стрелки к другим. Те тоже начали связываться между собой. В результате получалась достаточно полная картина, но возникли и новые вопросы.

Так они и работали, не замечая времени. Дверь вдруг открылась, и появилась высокая крупная официантка с двумя подносами, поставленными друг на друга.

Она растерялась, не зная, куда их поставить, и Гуров подсказал:

– На коробки возле двери.

Женщина так и сделала и вышла.

– Неужели уже обед? – удивился Попов.

Лев Иванович посмотрел на часы и сказал:

– Начало второго. А я, честно говоря, и забыл, что нас теперь здесь кормить будут. Но что же она деньги у нас не взяла?

– Вот придет за посудой, тогда и отдадим, – отмахнулся Алексей Юрьевич. – Я как сегодня пришел, так тут же в столовую позвонил и нам обед заказал. Вам – все диетическое, а себе суп харчо. У нас его здесь очень вкусно готовят.

– Тогда начинайте первым, потому что харчо горячим есть надо, а я во вторую смену, – предложил Лев Иванович.

– Так остынет же, – заявил Алексей Юрьевич.

– А мне все равно горячее нельзя, – успокоил его Гуров. – Да и где мы с вами вдвоем поместимся? Если только ватман со стола снять, а потом обратно прикрепить. Но времени жалко. Так что вы ешьте, а я пока тут еще поразмышляю.

Взяв свой поднос, Попов сел за маленький столик и начал есть, а Гуров стоял возле схемы. Он глубоко задумался, но услышал, как на пол что-то упало. Сыщик посмотрел на Попова и увидел, что тот сидел бледный как мел. Потом его вдруг повело в сторону так, что он упал бы со стула, если бы не уперся плечом в шифоньер.

Сшибая все на своем пути, Гуров бросился к нему и схватил за руку. Пульс был нормальный, рот на сторону не перекошило, значит, не инсульт.

– Что с вами? – Гуров потряс Алексея Юрьевича за плечи.

– Харчо... – договорить Попов не смог.

Но никаких сомнений у сыщика уже не осталось – отравление. Он схватил левой рукой горлышко двухлитровой бутылки с водой, приготовленной для поливки цветов, прижал к боку электрочайник.

Правой рукой Гуров уцепил Алексея Юрьевича за воротник рубашки и поволок его в коридор, рыча на ходу:

– Ну, суки в ботах, я вам сейчас устрою цыганочку с выходом! Будет вам всем здесь кадриль вприсядку! – Сыщик закрыл собой дверь кабинета и закричал изо всех сил:

– Врача! Реанимацию! Срочно!

Удивленные люди выскакивали в коридор, растерянно таращась на него, а он продолжал надрываться:

– Реанимацию, я сказал! Уголь активированный найдите! Воды сюда еще принесите!

Кто-то бросился обратно в кабинет, кто-то побежал по коридору. Лев Иванович тем временем встал на колени прямо перед дверью кабинета. На другое он уложил животом Попова и бесцеремонно сунул ему два пальца в рот. Алексей Юрьевич задергался в рвотных спазмах. Омерзительно пахнувшая масса хлынула на пол.

Потом Гуров разогнул беднягу и поднес к его губам чайник. Но Попов практически потерял сознание. Тогда Лев Иванович поставил чайник на пол и начал хлестать его по щекам.

– Лешка, сволочь, держись! Не смей отключаться! – орал он.

Попов приоткрыл глаза, и Гуров опять схватил чайник.

– Леша, пей, родной! Пей! Так надо!

Попов с трудом, маленькими глотками пил воду, а потом попытался отстраниться.

– А вот хрен тебе! – заорал Лев. – Пей еще! Пей, гад, тебе говорят!

Попов мотал головой. Вода лилась ему на грудь, на брюки сыщика, на пол. Но Гуров запрокинул ему голову и стал поить насильно. Потом он опять сунул Попову два пальца в рот. Лев Иванович то орал на него матом, то ласково уговаривал, но добивался своего и раз за разом промывал Алексею Юрьевичу желудок.

Какой-то пожилой мужчина потрепал Льва Ивановича по плечу и протянул ему большую пластиковую бутылку с водой и упаковку таблеток активированного угля.

Тут Гуров опять сорвался на крик:

– Твою мать! Ты бы подумал, как он в таком состоянии таблетки глотать будет! Растолочь их надо было!

– Как? – растерялся тот.

– Собственным лбом, блин, раз твоя башка больше ни на что не годится! – выверился сыщик. – Положи между двумя листами бумаги и бей! – Мужчина оставил бутылку с водой на полу и исчез, а Гуров опять заорал: – Ну и где эта гребаная реанимация?! – Тут Попов опять обвис у него на колени и полковник совсем обезумел: – Ты что, Лешка, сдохнуть решил? Да кто б тебе дал! Тебе еще внуков женить, а ты вон чего удумал! Леша, пей! Ради детей и внуков! Вот! За кошку, за собаку! Молодец!

Эта экзекуция закончилась только тогда, когда вода из Попова стала выходить совершенно чистой. Правда, для этого пришлось израсходовать ее всю, кипяченую, приготовленную для цветов и ту, которую принес мужчина. Попов совершенно измучился. Он был в сознании, но абсолютно без сил. Лев Иванович положил его на пол, поместил голову на себе на ноги.

– Все будет нормально, Леша, – тихо и ласково, словно с ребенком разговаривал, сказал ему Гуров. – Я рядом, значит, ничего страшного не случится. Раз ты до сих пор жив, то уже не помрешь. Сейчас машина придет, и поедешь ты в больницу. Там тебя окончательно вылечат.

– Вот, я в порошок растолок, – раздался рядом с ними мужской голос.

Подняв голову, Лев увидел уже знакомого ему мужчину. Тот протягивал сыщику черный порошок на обычном листе бумаги.

– Спасибо и извините, что был груб, – сказал Гуров. – Сколько здесь таблеток?

– Десять.

– Смотрите, вы мне все это даете при свидетелях, – предупредил Гуров. – И если...

– Лев Иванович, Орлов мне говорил, что у вас тяжелый характер, но я даже не предполагал, что настолько, – тихо сказал мужчина.

Гуров знал, что в администрации президента действительно работает какой-то знакомый Петра.

Он успокоился, но только немного – чем черт не шутит? – и сказал:

– И все-таки помните, что вы дали порошок при свидетелях. – Потом сыщик ласково обратился к Попову: – Вот! Сейчас мы с тобой в два приема уголь и примем. – Тот застонал и попытался покачать головой. – Надо, Леша! Надо! – уговаривал Гуров, но Попов в ответ поморщился и тогда Лев Иванович рявкнул: – Да кто тебя спрашивать-то будет! Выпьешь как миленький!

Он заставил Попова выпить сначала половину порошка. Когда сыщик впихивал в него остаток, наконец-то приехали врачи.

– Что вы ему даете? – тут же спросил доктор. – И вообще, что с ним случилось?

– Активированный уголь. Было отравление, причем доза лошадиная, потому что быстро подействовало. Я с этим уже сталкивался, симптомы знаю.

– Вы врач? – спросил доктор, пока Попова укладывали на носилки.

– Я старый сыщик, который на своем веку видел, наверное, уже все, – устало объяснил Гуров, глядя, как кто-то из медиков разрезал рукав рубашки Попова, чтобы поставить капельницу.

– Желудок промывали? – не унимался врач.

– А что? Сразу не заметно? – Лев Иванович разозлился, потому что сидел в настоящей луже. – Или вы решили, что мы тут плавали?

– Чем именно отравили?.. – скромно поинтересовался доктор, но Гуров уже совсем озверел:

– Ну, блин, и дурак же я, что не догадался у убийцы спросить, что именно он нам в еду подмешал! Езжайте! Вам потом из лаборатории сообщат, что конкретно это было.

Медики поняли, что в целях собственной же безопасности им лучше побыстрее свалить отсюда, и направились к лестнице. Попов с трудом поднял голову и посмотрел на Гурова.

Тот вымученно улыбнулся ему и сказал:

– Все будет в порядке, Леша. Я тебя не подведу. Ты, главное, поправляйся!

Врачи ушли, люди, тихонько обсуждая произошедшее, стали расходиться по своим кабинетам. Но несколько человек остались стоять неподалеку, поэтому взбешенному Гурову было на кого сорваться.

– Всем спасибо за внимание! – резко сказал он. – Пассажиров просят занять места согласно купленным билетам. Особо непонятливым объясняю: брысь по норам!

Один молодой мужчина действительно ушел, а вот трое других остались на месте, и самый старший из них объяснил:

– Извините, не можем – мы шефа ждем. Я ему по телефону сообщил, что случилось, и он с минуты на минуту приехать должен.

– Местная служба безопасности, я полагаю? – спросил Гуров, и мужчина кивнул. – Ну, ждите!

Они остались стоять, а он по-прежнему сидел на полу, прислонившись спиной к двери кабинета Попова. Всклокоченный, потный, разгоряченный, в мокрых заблеваных брюках, рубашке и туфлях. Гуров выглядел просто страшно, но у него и мысли не возникло пойти в туалет и привести себя хотя бы в относительный порядок.

В кабинет до приезда Александра и специалистов не должен был заходить никто. Он потому и желудок Попову промывал прямо в коридоре, рядом с дверью, хотя до туалета было недалеко, чтобы никто не мог уничтожить следы преступления.

Наконец-то появился Александр. Если он и был взбешен, то внешне это никак не проявлял, только вот был чуть бледнее обычного.

Оглядев коридор, подчиненных и Гурова, который при его появлении поднялся, он кивнул на кабинет Попова и сказал:

– Пойдемте поговорим, Лев Иванович.

– Извините, но сначала помещение нужно проверить на жучки, – устало сказал Лев Иванович.

– Это невозможно, – заявил Олег Михайлович.

– Проверить невозможно? – уточнил Гуров.

– Невозможно, чтобы они там были, – снизошел до объяснений Александров.

– Они там есть, – уверенно заявил сыщик.

– Это невозможно, – уже раздраженно повторил тот.

– Это факт! – чуть не проорал ему в лицо Гуров.

Александров побледнел еще больше, но все-таки кивком показал одному из подчиненных на кабинет Попова. Гуров отстранился, и тот прошел внутрь.

– С подносами поаккуратнее – там пальчики должны быть, – сказал Лев Иванович ему вслед, а потом обратился уже к Александрову: – С обоих подносов всю без исключения пищу и ее остатки нужно отправить в лабораторию, а еще проверить замок на двери. Если у вас есть соответствующие специалисты, пусть посмотрят, чем его открывали, потому что с вечера понедельника ключ был постоянно у Попова при себе, как и печать. Если это не отмычка и не дубликат, то нужно выяснить, где находится запасной ключ, кто мог его взять и так далее. Словом, сработать по схеме.

Александров ничего не ответил, но Лев Иванович понял, что чувство любви со стороны этого человека ему не грозит. Стоять под дверью, в коридоре главы администрации президента было, мягко говоря, очень неприятно, но он терпел.

Из кабинета вышел мужчина и что-то прошептал ему на ухо. Александров мгновенно побагровел и плотно сжал губы. Интересно, какие слова были готовы сорваться с них в тот момент?

Но он справился с собой и только тихо сказал Гурову:

– Вы были правы.

Лев Иванович мог бы ответить на это, что он всегда прав, но решил не усугублять отношения с Александровым, и так напряженные. Он сделал приглашающий жест в сторону кабинета.

Олег Михайлович вошел туда, огляделся, покачал головой и сказал:

– Я не предполагал, что здесь так тесно.

– Но мы нормально работали, – проговорил Лев Иванович, садясь за свой столик.

– Занимайтесь, – скомандовал Александров подчиненным и отошел к окну, чтобы не мешать.

Двое из них достали из карманов резиновые перчатки, забрали подносы и ушли. Третий стал вынимать из двери замок.

– Сейчас придут и новый поставят, – сообщил он.

Гуров и Александров остались вдвоем.

Олег Михайлович сел на место Попова и потребовал:

– Давайте все с самого начала.

Лев Иванович немного подумал и начал с вопроса:

– Скажите, пожалуйста, когда сюда принесли коробки с ксерокопиями документов?

– В воскресенье их делали, а принесли утром в понедельник, – ответил тот.

– Но второй стол здесь появился в воскресенье, а Алексей Юрьевич имеет обыкновение опечатывать свой кабинет. Он присутствовал, когда заносили второй стол? Или дверь была открыта запасным ключом, а печать просто нарушена?

– Он был дома, потому что все рабочие документы всегда держит только в сейфе, а дверь опечатывает просто по привычке. Мы тогда довольно долго просидели, потому что дружим-то давно, но из-за большой занятости только здесь и видимся. Вы думаете, в это время и был установлен жучок?

– Это уж пусть ваши технари разбираются, какой он модели, когда выпущен, где его можно приобрести и так далее. Может, он тут уже давно был, но я склонен считать, что его установили здесь после моего появления. Чем бы ни занимался Алексей Юрьевич, привычки рассуждать вслух или разговаривать с самим собой я за ним не заметил. Значит, и жучок был бы бесполезен. Вот и получается, что его могли установить только в обеденное время, в понедельник или во вторник, когда мы с ним уходили вдвоем. Во всех остальных случаях кто-то из нас обязательно оставался на месте, а на ночь Попов дверь опечатывал.

– Согласен, – кивнул Александров. – Но что могло спровоцировать покушение?

– Разговоры на бытовые темы я опускаю, а по делу... – начал Гуров и задумался. – В понедельник после нашего позднего обеда я нашел в материалах на Данилова список его зарубежных счетов. Напротив некоторых из них стояли крестики. Я поинтересовался, те ли это счета, которые ему оставили, или уже пустые, но эту тему мы не обсуждали. Да мы в тот день настолько увлеклись работой, что практически не разговаривали. Во вторник я два раза отлучался из здания, вернувшись, сказал, что, кажется, появился след в конце тоннеля, но того ли – неизвестно. Алексей Юрьевич работал над документами Богданова. Я предположил, что ближайший помощник данного персонажа может быть его внебрачным сыном.

– Да, он об этом написал, мы проверили. Это оказалось действительно так, – сказал глава администрации.

– После этого мы пошли обедать, потом снова работали. Вечером, незадолго до отчета, я смотрел документы на Куликова и удивился, что его дочь закончила самую обычную московскую школу, а не престижный лицей, как дети остальных фигурантов. Я предложил проверить ее одноклассников, друзей и все окружение в то время. Вдруг кто-то из них потом стал уголовником?

– Этим занимаются, – сказал Александров. – Что еще?

– Все. – Лев Иванович развел руками. – Не знаю, какая из этих позиций подтолкнула крота, окопавшегося у вас, к столь решительным и срочным действиям. Это предстоит выяснять. Ведь покушение было не подготовленным, а спонтанным.

– Выясним! – недобрым голосом пообещал Александров. – Что по самому покушению на Лешу?

– Вообще-то, и на меня тоже, – заметил Гуров. – Было самое начало второго, когда пришла официантка, довольно высокая и крупная. Я тогда подумал, что такую тетку послали именно потому, что ей легче было тащить два подноса, чем какой-нибудь хрупкой девчужке.

– Пока просто опишите ее, а фотографии их всех вы потом посмотрите, – заявил Александров.

– Понимаю, что это прозвучит не очень вежливо, но не могли бы вы подойти к двери, чтобы я мог точнее определить ее рост? – извиняющимся тоном попросил Лев Иванович.

Александров без малейших возражений поднялся и встал у двери.

– Она была ростом где-то до вашей переносицы, – сказал Гуров.

– Метр восемьдесят? – удивился тот, возвращаясь на место. – Я всех, конечно, знать не могу, но таких высоких у нас, по-моему, нет. Что еще вы помните?

Сыщик уперся локтями в стол, закрыл лицо руками и сосредоточился. Он вспоминал все, что успел увидеть за те несколько секунд, пока официантка была в кабинете.

Вдруг полковник все понял, глубоко вздохнул, оторвал руки от лица и удрученно сказал:

– Олег Михайлович, гоните меня отсюда к чертовой матери! Хреновый из меня аналитик и сыщик такой же! Это же был мужчина, переодетый женщиной.

– Давайте подробности! – потребовал Александров.

– Лет тридцать или даже побольше, – горестно мотая головой, начал Гуров. – Черная юбка, такие же колготки и сабо. Белые блузка, передник и кружевная наколка на голове. Волосы темные, коротко подстриженные. Но от природы он блондин. Волосы на руках светлые, значит, парик. На левой руке – не загоревший след от крупных часов. Ногти не покрашены. Украшений совсем никаких – ни колец, ни браслета. Солнце било прямо в окно, и у него потемнели фотохромные стекла в очках, так что о глазах ничего сказать не могу, но оправка дорогая, стильная. Губы ярко покрашены, такой ядовито-красный цвет. Вот, пожалуй, и все.

– Но он ведь страшно рисковал! – заметил Александров.

– Да ничем он не рисковал! – зло сказал Лев Иванович. – Время обеденное. Одни ушли в столовую, другие вообще покинули здание, отправились по своим делам. Он слышал, что заказал нам на обед Алексей Юрьевич, купил это, добавил где-то во все щедрой рукой отраву, переделся и направился к нам. Даже если бы кто-то увидел его в коридоре, то не обратил бы внимания. Идет по коридору официантка с двумя подносами, и что? Будь это молоденькая смазливая девушка – одно дело, а тут такая тетя-лошадь! Может, просто новенькая? А мы с Алексеем Юрьевичем были настолько заняты, что тоже всерьез внимания на нее не обратили. Я только удивился, что с нас денег не взяли, но Попов сказал, что она за посудой придет, тогда и рассчитаемся. Этот гад оставил все здесь, вернулся к себе, стер с губ помаду, переделся. Он вынес парик, одежду и все остальное из здания либо выкинул в окно сообщнику. Но в этом случае его кабинет должен выходить на улицу.

– Но ведь могла прийти настоящая официантка, – напомнил Александров.

– Ну и что? Она бы увидела, что мы уже едим, решила бы, что в столовой что-то перепутали, и отнесла бы все обратно, – возразил Лев Иванович. – Этого гада подвело то, что он, во-первых, переборщил с дозой, решив, что чем больше, тем лучше. Во-вторых, то, что нам вместе просто негде было здесь поесть. Не знаю, как отреагировал бы на яд я сам. Может быть, так же. Тогда валялись бы мы тут до вечера. Нас хватились бы только в восемь часов, потому как мы не пришли бы к вам. А он за это время уже успел бы здесь все за собой прибрать. Чего конкретно добивался этот тип? Хотел убить нас обоих? Временно вывести из игры? Забрать отсюда какие-то документы? Но это же ксерокопии, какой толк их забирать, когда существуют оригиналы? Я и в коридоре всю эту сцену устроил прямо перед дверью, чтобы никто в кабинет войти не мог.

– Да, это я и так уже понял, – отмахнулся Александров. – Скажите, что вы думаете по поводу этого человека?

– Все зависит от того, слушал он нас или записывал, – начал рассуждать Лев Иванович. – Если просто слушал, то в понедельник мы с Алексеем Юрьевичем ушли отсюда в первом часу ночи. Значит, он должен был покинуть здание еще позже. Допустим, мы уже тогда сказали что-то для него интересное. Он собрался отравить нас, например, крысиным ядом. Но купить его ночью данный субъект не смог бы, а солидный запас дома вряд ли кто-то держит. Вчера Алексей Юрьевич пришел сюда к восьми. Если в случае авралов это его обычный рабочий график, то некто мог об этом знать и тоже пришел в это время, а то и раньше. Ушли мы отсюда, как перед вами отчитались, то есть в десятом часу вечера. Он покинул здание вскоре после нас. Купить в это время что-то подходящее – тоже проблематично. Сегодня я сюда приехал к девяти, как мы с Поповым и договаривались. Алексей Юрьевич уже был на месте и успел заказать для нас обед. Этот человек тоже находился здесь, раз все слышал. Отсюда вывод: он нас записывал, либо у него есть сообщник, который все купил. Теперь самое главное. Скажите, пожалуйста, кто вам сообщил о том, что мы ходили в столовую к шапочному разбору? Может быть, этот человек и подтолкнул вас очень деликатно к мысли о том, чтобы нам еду в кабинет приносили?

– Это невозможно, – тихо произнес Олег Михайлович.

– Простите, но я это слово от вас сегодня уже в четвертый раз слышу, – со вздохом сказал Лев Иванович.

– Не хамите!

– Да я еще и не начинал! – ответил Гуров.

Александров предпочел пропустить эти слова мимо ушей, но, может, и действительно не услышал.

Он напряженно о чем-то думал, а потом решительно заявил:

– Вот что, Лев Иванович! Сейчас в дверь врежут новый замок, вы заберете с собой ключ и поедете домой. Вам надо отдохнуть – день сегодня у вас был сумасшедший. А завтра в девять прошу быть у меня. – Он встал, направился к двери, но вдруг остановился, повернулся и сказал: – Спасибо вам за Лешу.

– Благодарить не надо. – Гуров поморщился. – Работа у меня такая – людей защищать. Хотя в данном случае я бы луну с неба достал, чтобы Алексею Юрьевичу помочь. Слышали бы вы, как он вчера о семье своей говорил! Ведь только-только у них все наладилось. И Анжелика домой вернулась, и зять, который его папой зовет, замечательный, и внуки, о которых он даже мечтать не смел, появились, и кот с собакой. Дом – полная чаша, живи да радуйся. А тут такое! – сыщик горестно помотал головой. – Скажите, а почему я здесь ни разу Анжелику не видел? Она же вроде с отцом работала?

– Ушла она от нас, сейчас вместе с мужем работает, – объяснил Олег Михайлович.

– При ее деятельном характере это не удивительно.

– Ладно! – резко закончил Александров это лирическое отступление. – Новый замок сейчас врежут, дверь комендант опечатает, и езжайте отдыхать!

Едва он вышел, как тут же появился мужчина в спецовке. Он, видимо, ждал за дверью, когда шеф уйдет. Мастер быстро установил в старый паз новый замок, проверил его и отдал один ключ Гурову. Остальные забрал пожилой мужчина, стоявший рядом с ним. Наверное, это и был комендант здания, судя по выправке и властному выражению лица – отставник в солидном звании.

Лев Иванович запер дверь, дождался, когда комендант опечатает ее, и поплелся на выход. Он успел отметить, что в коридоре не осталось не малейших следов произошедшего.

Гуров чувствовал себя разбитым, как древний старик. Пообедать он так и не успел, но даже при мысли о еде его тут же начинало мутить. Вид у него был жуткий, но полковник мало волновался по данному поводу. Когда он сядет в машину, это будет незаметно. Ему нужно было только побыстрее добраться до дома и снять испачканный костюм. Гуров не хотел, чтобы Маша, у которой сейчас как раз была репетиция, увидела его во всей красе. А то еще в обморок грохнется, чего доброго.

Подъехав к дому, он увидел, что его уже ждали. Служебная машина Орлова с неизменным Фомичом за рулем стояла прямо возле подъезда. Кто бы стал возражать против этого, глядя на ее номера?

Все ясно. Знакомый Петра уже сообщил ему о том, что случилось. Теперь широкая общественность жаждала подробностей. Гуров понимал, что друзья за него волновались. Они бросили все дела, приехали сюда, чтобы поддержать его и убедиться, что с ним все в порядке. Но вот сил на то, чтобы им что-то объяснять и рассказывать, не было, как и на эмоции. Только страшная усталость, опустошенность и ничего больше.

Он выбрался из машины и пошел к подъезду. Ему навстречу уже шли Петр со Стасом.

– Живой я, живой, – тусклым голосом успокоил он их.

Услышав это, оба облегченно вздохнули. Обрадованный Крячко совсем уже было собрался сказать что-нибудь по поводу его вида, но увидел у себя перед носом увесистый кулак Орлова и смолчал, хоть и с трудом.

– Пошли, – предложил им Лев Иванович. – Не объясняться же на улице.

В квартире Гуров решительно заявил:

– Занимайтесь, чем хотите, а я в душ.

Он снял грязную одежду, скрылся в ванной и долго не мог хоть немного прийти в норму.

Выйдя, он обнаружил, что Стас запихивал его грязные вещи в полиэтиленовый пакет.

Крячко увидел его и объяснил:

– А мне не привыкать твои вещи в химчистку таскать. Если бы не я, то так и ходил бы изгвазданный, как чушка. Деньги гони!

– Сам в бумажнике возьми, – отмахнулся Лев Иванович и пошел в спальню, чтобы одеться – не сидеть же с мужиками, завернувшись в полотенце, как в бане.

Гуров вернулся в спортивных брюках и футболке. Он увидел, что в зале уже никого нет. Зато из кухни доносились какие-то звуки и довольно вкусный запах.

Лев Иванович зашел туда, поморщился и заявил Петру, возившемуся у плиты:

– Зря старался. Я на еду вообще смотреть не могу. Как вспомню, так...

– А мы тебе для аппетита кое-что приготовили, – сказал Крячко, доставая из морозильника бутылку водки. – Да и нужно тебе сейчас, чтобы нервы отпустило, – добавил он, наливая Льву полстакана.

– Меня развезет на голодный желудок, – предупредил Гуров.

– Лева, в таком состоянии тебе для этого и бутылки будет мало, – со знанием дела заметил Орлов, ставя перед ним сковороду с жареной картошкой и сосисками. – Извини, все нашел у вас в холодильнике. Не смущайся, мы и так знаем, что Мария хозяйка на редкость замечательная. Давай! Прими для успокоения нервов и ешь.

– Попробую, – сказал Гуров, которому не хотелось вообще ничего.

Водку он кое-как в себя затолкал, начал вяло ковыряться в сковороде. Постепенно у него появился аппетит, и он как-то незаметно все съел. Потом Гуров получил еще полстакана, которые прошли значительно легче. Он почувствовал себя намного бодрее. Стас забрал пустую сковороду и поставил перед ним бокал с крепким чаем.

Тут Орлов сказал:

– Подробности нам не нужны. Мы уже все знаем. Скажи только одно: кто?

– А вот этого как раз я не знаю, – прихлебывая обжигающий чай, ответил Лев Иванович. – Александров там свои разборки чинить будет. Настроен он, как я видел, крайне серьезно. Они с Поповым давние друзья. Я ему все наводки дал, а дальше он решил сам действовать. У них там всяких специалистов полно, авось не оплошают. Меня до завтрашнего утра отдыхать отпустили, только вот расслабиться никак не могу, все время думаю, как там Попов. Господи! Только бы выжил! – Лев Иванович с трудом сглотнул и предложил: – Давайте о чем-нибудь другом, а то сейчас из меня весь обед обратно пойдет.

– На, запей! – тут же сказал Стас, наливая ему еще полстакана.

– Да что я все время один пью? – возмутился Гуров. – Как алкаш какой-то!

– Лева, ты сейчас не пьешь, а лечишься, – наставительно проговорил Орлов, дождался, когда Гуров покорно выпьет, и продолжил: – А чтобы тебя отвлечь, я расскажу, что мы нарыть успели. Мотю мы в федеральный розыск объявили, пока глухо. Квартиру, в которой он с младенчества жил, обыскали самым тщательным образом, только что кафель не отдирали и линолеум не поднимали.

– Деньги нашли? – быстро спросил Лев Иванович. – Мне сказали, что у него в последнее время появились солидные суммы.

– Денег там нет. Никаких документов, записных книжек и всего подобного. Вся квартира забита техническими прибабасами. Мотя был у Халвы специалистом по электронике, любую сигнализацию на раз отключал. Компьютер у него с виду довольно старый, но, как сказали специалисты, очень даже усовершенствованный. Только жесткий диск снят. Значит...

– Значит, подорвал, – подытожил Гуров. – Почувствовал, что запахло жареным, и сбежал. Надо будет Монаху позвонить и сказать, что он живой, пусть продолжают искать.

– Да подожди ты! – остановил его Стас. – Мы все кассы проверили, не выезжал он из города.

– Монах сказал, что Мотя – парень неглупый, значит, мог на попутках налегке уйти. Как мне сказали, все его вещи на месте, – возразил Лев Иванович. – К дальнобойщикам в компанию напроситься не так уж и трудно. При желании есть масса возможностей унести ноги из города. Может, он вообще у кого-то в Москве или области отсиживается.

– Баба его отпадает, – уверенно заявил Стас. – Она тертая, сиделая, понимает, что мы ерундой не занимаемся. Я ее только что наизнанку не вывернул. Не знает она ничего. Мотя пропал внезапно, никакого номера телефона, адреса или чего-то подобного ей не оставил. Обыск у нее был не менее тщательный, чем у самого Моти. О его делах она ничего не знает, но ноги на всякий случай я за ней поставил.

– Черт! Как же трудно работать, когда не сам ведешь дело! – не сдержался Гуров. – Давайте предположим, что она знала о том, что у Моти появились деньги. От постоянной женщины такое, как ни старайся, не скроешь. Он пропал, день его нет, второй, на звонки не отвечает. А у нее мог быть ключ от его квартиры. Естественно, она пошла туда. Моти нет, а вещи на месте. Прибрала к рукам все, что можно, включая и деньги, и отнесла к себе. Все просто. Пустую квартиру пусть шмонают, вернется Мотя – отдам, нет – так не пропадать же добру. К ней люди Монаха пожаловали, но обыск-то они не проводили. Посмотрели только. Она поняла, что ее сердечный друг вляпался во что-то очень серьезное, и все, что у нее было, перепрятала. Возможный вариант? И ведь такое по каждому пункту может быть!

– Ну, извини! – Крячко развел руками. – Выше головы я прыгать не умею. Теперь по его родне. Насчет отца – темна вода во облаках. В деле о нем ни слова. Может, его официально вообще не было. В адресе Мотя жил с матерью. Та погибла, когда он только-только в колледж поступил. Обычный уличный разбой. Наркоману одному на дозу не хватало, он у нее сумку выдернуть хотел, а она в нее вцепилась и не отдавала. Вот он ее ножом и пырнул. Сейчас сидит. Сестер-братьев у Моти не было. Наличие дальних родственников сейчас устанавливаем. Списки учеников его класса и параллельных, а также тех, кто был на год старше или младше, мы в школе запросили. По дому еще работают, в смысле, соседи, ровесники и так далее. Все они его жалеют, хвалят и защищают только что не с пеной на губах.

– Теперь по подельникам. Все еще сидят, он первый вышел, – вступил в разговор Орлов. – Я его уголовное дело смотрел и много любопытного нашел. Тебе сказали, что они краденые машины на юг продавали, а вот там ни малейшего намека на это нет. Есть только доказанные эпизоды, что ребята угоняли тачки и разбирали их на запчасти или возвращали за выкуп. Все осужденные – русские.

– Ну, знаешь, я в таких делах уголовникам как-то больше верю. – Гуров даже оторопел. – Итак, Мотя начинал под Кирпичом, а у того с кавказцами вечно терки были. Трофим их тоже не жаловал, значит, это наработки самого Халвы. Когда его взяли, следаку хорошо отстегнули, чтобы он кое на что закрыл глаза. Халве и остальным пообещали шикарный грев, да и срока там должны были быть небольшие. Вот и получается, что Моте было к кому ткнуться, когда к нему кто-то обратился со столь деликатной просьбой. Монах что-то узнает, мне позвонит. А меня ждет дорога недалняя к одному человеку. Если сам он и не в курсе происходящего, то вполне может навести справки.

– Ох, Лева, не доведет тебя до добра связь с уголовниками. – Орлов вздохнул.

– Петр, ты это так сказал, словно я с ними на дело хожу, – с усмешкой ответил Лев Иванович. – А что по Халве?

– Леонид Сергеевич Паршин – бывший автогонщик, что и объясняет его тягу к машинам, – продолжил Петр. – После аварии ушел по здоровью. Долгое время нигде не работал.

Видимо, решил, что в таксисты или инструкторы по вождению идти западло. А вот криминал показался ему более почетным занятием, за что и сел.

– То есть как не работал? – удивился Гуров. – Мне сказали, что он у какой-то дамочки персональным водителем был. Ее муж узнал об их шашнях и дал ему коленом под зад.

– В деле об этом ничего нет. – Орлов покачал головой.

– Слушайте, вы эти уголовные дела далеко не убирайте, я выберу время, подъеду и сам все почитаю, – попросил Гуров. – Со следяком по этому делу поговорите, с операми. Что-нибудь еще есть?

В этот момент раздался звонок в дверь, и Гуров удивился. Он никого не ждал, а у Марии был ключ.

Лев Иванович уже начал подниматься, но Крячко остановил его:

– Сиди, сам открою. Ты сегодня уже набегался.

Почти тут же в прихожей раздался его гневный голос:

– Вот только тебя здесь не хватало! Стой, тебе говорят!

Потом там что-то упало. Орлов с Гуровым недоуменно переглянулись, встали. Тут в кухню влетел Степан, внося на плечах Крячко, повисшего на нем. У Льва Ивановича внутри все оборвалось.

Он рухнул на стул и прошептал:

– Умер?

– Да бог с вами, Лев Иванович! – оторопел парень. – Я и пришел вам сказать, что с Алексеем Юрьевичем все обошлось. Врачи сказали, что если бы не вы, то...

– Какого черта? – заорал Гуров, выпуская дикое напряжение, скопившееся внутри за эти несколько секунд, и обессиленно расплываясь по стулу. – Я же при виде тебя самое страшное подумал! Ты не мог мне это по телефону сказать? Что за возню в коридоре устроил? Что вы там свалили?

– Это мы нечаянно Станислава Васильевича уронили, но ничего не разбили, – раздался за их спинами высокий голос.

В кухню осторожно проскользнула Анжелика, жена Степана. Эта невысокая стройная светловолосая женщина была почти на десять лет старше мужа, но выглядела моложе его. Прошлое у Анжелики было не менее лихим, чем у Степана, но с несколько другим уклоном. В совершенстве владея тремя иностранными языками, она много лет нелегально проработала за границей, в том числе и ликвидатором, так что ее подготовке и командос бы позавидовал. Во всяком случае, Степана при первой встрече она легко вырубил, а ведь он, прошедший службу в войсковой разведке на Северном Кавказе, был в таких делах совсем не новичок.

Но была у нее еще одна способность – дар внушения. В свое время она им пользовалась, восстанавливая справедливость, как ее понимала, уже в России. Но все это осталось в прошлом. Теперь она была мать семейства, верная жена и законопослушная гражданка своей страны.

– Здравствуй, Анжелика, – сказал Гуров и попросил: – Ты уж Станислава Васильевича больше не роняй! Не мальчик он уже, чтобы с ним так обращались.

– Мы осторожно, – виноватым тоном ответила она и даже глазки потупила. – Лев Иванович, мне бы с вами наедине поговорить.

– Извини, Анжелика, но я тебе ничем не помогу. – Гуров развел руками. – Я просто ничего не знаю, так что со всеми вопросами к Олегу Михайловичу.

– Я с ним уже разговаривала и у папы была...

– Тебя пропустили? – удивился Лев.

– Я очень попросила, – невинно сказала она.

– Мама твоя уже знает? – поинтересовался Гуров.

– Я ей сказала, что папа, как обычно, лег весной на обследование, – объяснила Анжелика. – Я с вами по другому поводу хотела поговорить.

– Что ж, пошли, – предложил Лев Иванович.

Они вышли в зал.

Анжелика плотно прикрыла за собой дверь, а потом тихо сказала:

– Лев Иванович, вы спасли моего папу от смерти, и вся наша семья обязана вам по гроб жизни. Если вдруг у вас возникнут любые проблемы, мы сделаем все возможное, чтобы вам помочь. И невозможное тоже, – значительно добавила она.

– Спасибо, конечно. Я обычно сам решаю свои проблемы. – Лев Иванович пожал плечами. – Хотя разное в жизни может случиться.

– Просто помните, что мы со Степой, если потребуется, сделаем для вас все, что угодно, – четко, раздельно выговорила она, вернулась в кухню и сказала: – Извините, что мы вам помешали. Пошли, Степа. До свиданья!

Орлов и Крячко, не проронившие за все это время ни слова, только что-то невнятно пробормотали в ответ, а Гуров пошел провожать неожиданных гостей.

Он вернулся и спросил у Стаса:

– Нигде ничего не болит?

– Нет, – хмуро ответил тот. – Эти паразиты меня очень аккуратно уронили. Вот уж два сапога пара! – Он помотал головой.

– Не знаю я, кто там против тебя с Поповым все это затеял, но то, что он не жилец, – это точно! – уверенно заявил Орлов. – Этих двоих даже танки не остановят! Ладно, пойдем мы. Как будет что новое, сообщим. А ты прими еще для успокоения нервов и ложись отдыхать.

Генерал пошел в прихожую, а Крячко задержался и шепнул товарищу:

– А о чем с тобой Анжелика говорила?

– Сгубит тебя когда-нибудь любопытство, прямо как ту кошку, – с усмешкой заметил Гуров.

Проводив их, Лев Иванович вернулся в кухню, выяснил, что убирать ничего не надо – все было уже вымыто, и перебрался в зал. Самому себе он мог признаться в том, что Петр и Стас появились очень вовремя. Они отвлекли его от тягостных мыслей.

В одиночестве он продолжал бы переживать то, что произошло днем. Это никак не улучшило бы его настроение. А сейчас сыщик мог спокойно сосредоточиться на предстоящей работе. Он решил закончить ее как можно быстрее, чтобы вернуться в управление и заняться непосредственно поисками Моти.

Гуров устроился в кресле и стал мысленно выстраивать схему по фигурантам, изученным им. Потом ее следовало отобразить графически.

Тут сыщик спохватился. Черт, да ведь подумать обо всем он может и потом. Сейчас следует воспользоваться относительной свободой и позвонить Монаху. Вдруг он уже что-то узнал?

А еще нужно было связаться с Мизоевым Джафаром Мусаевичем, главой одной, как теперь принято говорить, этнической преступной группировки. В ближайшие дни Гурову будет явно не до этого, а озадачить данного господина следует немедленно.

С Монахом проблем не было, а вот с Мизоевым? Тот был Гурову сильно обязан. Полковник, конечно, исходил из собственного интереса, но сдал ему человека, из-за которого погиб его младший брат.

Джафар с ним честно расплатился. Его люди тогда сильно помогли Гурову. Они спасли его от смерти и освободили Машу, когда ту пытались похитить.

Получалось, что они вроде бы квиты. Но Лев Иванович понадеялся, что сможет найти с ним общий язык. Да и познакомиться наконец-то надо, а то ведь все время только по телефону и общались.

Гуров сначала позвонил Монаху и договорился с ним о встрече у Макарыча.

Потом он связался с Мизоевым.

– Здравствуйте, уважаемый Джафар Мусаевич. Это...

– Да что вы, уважаемый Лев Иванович! – перебил его Мизоев. – Разве я мог забыть ваш голос? Как жизнь, здоровье, жена? – вежливо поинтересовался он.

– Грех жаловаться, – коротко ответил Гуров. – У меня вот мысль возникла. Не познакомиться ли нам лично? Я думаю, что пора.

– Давно пора, уважаемый Лев Иванович! – охотно согласился Мизоев. – Гость в дом – радость в дом! Приезжайте в любое время. И жену с собой берите. Мы стол накроем, посидим с вами, поговорим.

– Хотелось бы встретиться наедине в тихом месте, – проговорил полковник.

– Ох, дела-дела! – все поняв, горестно сказал Мизоев. – Когда жизни радоваться будем, уважаемый Лев Иванович? Ведь не остается на нее времени. Все заботы! Вы ресторан «Мелхиста» знаете? Подъезжайте туда часам к восьми. Я вас ждать буду.

Гуров посмотрел на часы, прикинул время, которое ему потребуется на встречу с Монахом, и предупредил:

– Я могу немного опоздать.

– Что такое время, когда ждешь дорогого друга? – не стал возражать Джафар. – Приезжайте как сможете.

Отключив телефон, Гуров вызвал такси. Он ведь уже прилично выпил, да и Мизоев обязательно угощать будет. Поэтому садиться за руль своей машины сыщик не собирался.

Он быстро собрался, вышел из дома и сел в такси. Гуров назвал водителю адрес, но не самой забегаловки Макарыча, а туристической фирмы, находившейся неподалеку.

Там сыщик немного прошел пешком и вскоре уже сидел в знакомой комнате напротив Монаха и Макарыча.

– Еще чего случилось? – настороженно спросил Монах.

– Хотел узнать, не выяснил ли ты чего-нибудь, – объяснил Гуров.

– Если бы точно что-то узнал, то позвонил бы, – ответил тот.

– Что, сложности появились? – спросил Лев Иванович.

Монах на это ничего не ответил, и Гуров понял, что так и есть.

– Но я о серьезных разборках в последнее время что-то не слышал, – заметил он.

– Отношения у нас непростые. – Макарыч вздохнул. – Молодежь, что наша, что их, конечно, беспредельничает, но мы в свое время уже навоевались и все конфликты стараемся мирно гасить.

– Короче, так, – наконец-то сказал Монах. – Халва работал с людьми Салмана. Попытался я было с ним встретиться, да не получилось. Если у меня не вышло, то какой-то Моте к нему и подавно не попал бы. Так что не там ищешь. А почему ты вообще думаешь, что исполнитель оттуда может быть? Учти, даже если и так, то они своего не сдадут.

– Понимаешь, в уголовном деле нет ни малейшего намека на то, что краденые машины, как ты говорил, на юг отправляли, – сказал Лев Иванович. – Если ты прав, то завязки на кавказцев в Москве у Халвы обязательно должны быть.

– Я не сявка, за свои слова отвечаю, – разозлился Монах.

– А разве я сказал, что тебе не верю? – удивился Гуров. – Но только если сам знаешь, кто Моте отказал, то тот ведь мог и к ним обратиться. Они их во время следствия не сдали, так что должок за ними.

– Понял я, о чем ты. Да, при таком раскладе мог! – подумав, согласился Монах. – Но есть и другой расклад. Кавказцы забашляли следаку, а уж тот Халве и его людям разъяснил, что нужно говорить, а о чем лучше промолчать.

– Согласен. И так может быть, хотя не хотелось бы мне такое думать. Ничего, разберемся. Ладно, не получилось у тебя самого с Салманом поговорить, может, у другого выйдет. Я сейчас к Мизоеву поеду. Ему будет легче и о встрече с ним договориться, и объяснить, чем это история может для всех обернуться.

– Я видел, ты без машины сегодня, – заметил Макарыч. – Где встречаться-то с ним собираешься?

– В восемь в «Мелхисте», – ответил Гуров.

– Да, у него там штаб. Непростое место, да и сам он человек заковыристый, – заметил Монах, посмотрел на часы и сказал: – Успеем. Давай-ка я сам тебя туда отвезу. Ему об этом доложат, и он с тобой по-другому говорить будет.

– Да у нас с ним вроде неплохие отношения. – Лев Иванович пожал плечами.

– Просто ты еще кавказцев не знаешь, – с усмешкой заметил Монах.

Взвесив все «за» и «против», Гуров согласился. Увидит кто-то, как выходит из машины вора в законе, так и плевать! Это была оперативная необходимость. Тут никакая служба собственной безопасности, которая об него уже не раз зубы обламывала, не придерется.

Джип Монаха и машина сопровождения лихо затормозили около входа в «Мелхисту». Гуров вышел и направился туда.

Дверь перед ним распахнул парень из числа людей Мизоева, уже знакомый ему. Гуров по старым делам некоторых из них помнил в лицо.

Джафара Мусаевича сыщик видел только на фотографиях. В жизни тот оказался лысым толстяком, едва достававшим Гурову до плеча. Лицо Мизоева расплылось в радостной улыбке. Он поздоровался с полковником и повел его через большой зал, заполненный его соотечественниками.

Они оказались в небольшой уютной комнате, оформленной в восточном стиле. Там уже был накрыт стол.

– Прошу вас, уважаемый Лев Иванович! Уж не обессудьте за скромность. Дома я принял бы вас по-другому, но раз обстоятельства требуют, то давайте посидим здесь.

Мизоев лукавил – стол ломился! Красная и черная икра, балык, всевозможные колбасы, овощи и фрукты всех видов. От небольших горшочков пахло совсем уж одурманивающе.

Они сели за стол. Джафар разлил коньяк, поднял бокал.

Гуров ожидал, что тот сейчас разразится цветистым длинным тостом, но Мизоев произнес только:

– За нашу долгожданную встречу!

Коньяк был выше всяких похвал. Хозяин усердно потчевал гостя. Гуров отдавал должное шедеврам кулинарного искусства восточной кухни, хотя и знал, что потом это выйдет ему боком.

Речь за столом шла о неожиданно теплой майской погоде, о международной политике, до которой обоим не было никакого дела. Надо было отдать дань традициям, не позволявшим сразу же переходить к делу.

Наконец, Мизоев мимоходом поинтересовался:

– У вас машина сломалась? А то мне сказали, что вас Василий Семенович привез.

Гуров, никогда не обращавшийся к Монаху по имени-отчеству, даже не сразу понял, о ком идет речь, но потом объяснил:

– Выпил сегодня днем немного, поэтому и не стал за руль садиться. А с Василием Семеновичем нам кое-что обсудить надо было, вот он меня и подвез.

– Что-то в городе в последнее время неспокойно. Люди много разного говорят. Уж не знаю, чему и верить, – посетовал Джафар.

– Это вы о том, что какого-то олигарха заказали, а он исполнителя ищет, чтобы перекупить? – спросил Лев Иванович.

– И об этом тоже. – Мизоев вздохнул. – В какое страшное время живем!

– Напутали что-то люди, не олигарха, а человека гораздо более значительного, от которого очень многое в жизни нашей страны зависит, – спокойно объяснил Лев Иванович, твердо глядя Джафару в лицо.

У того от услышанного глаза на лоб полезли.

Он без всяких тостов выпил коньяк и уверенно заявил:

– Аллах такого не допустит!

– Аллах на небе один, а людей на земле много. Где ему за всем уследить? – возразил Гуров. – Вот и нашелся такой человек, который согласился за очень большие деньги это сделать.

– Точно нашелся? – спросил Мизоев.

– Точно, к сожалению. – Сыщик вздохнул, решив, что в данном случае не грех и соврать, чтобы подтолкнуть Джафара к активным действиям. – Кто такой – не знаю, но глупый человек. У него же все равно ничего не получится, а сколько горя людям принесет! Его же обязательно задержат или убьют. А уж если окажется, что он, не приведи господи, нерусский, то тут даже подумать страшно, что начнется. Когда у людей такое большое несчастье случается, они ведь не станут разбираться, кто у тех хороший, а кто плохой. Тут уж будет не до того, чтобы бизнес сохранить – уцелеть бы! Схватят люди детей в охапку и побегут подальше, чтобы только в живых остаться.

– Уважаемый Лев Иванович, а почему вы решили, что это может быть нерусский? – напряженным голосом спросил Мизоев.

– Потому что человек, искавший исполнителя, был в числе тех, кто занимался угоном машин, которые потом на юг продавали. Их всех посадили, но он уже вышел, а остальные свой срок отбывают. Был он там не главным, но всех знал. Когда ему серьезные люди в Москве отказали, он и обратился к тем, с кем их главарь вел свой бизнес. Кто его нанял для этого дела, не знаю, к кому конкретно он обратился – тоже. Но исполнителя этот фрукт нашел, иначе не исчез бы. А уж убили его или же он сам сбежал, мы так и не выяснили, – печально, задумчиво проговорил Гуров.

– Ай-ай-ай, какие нехорошие люди! – Мизоев покачал головой. – А нельзя узнать, как их зовут? Вдруг встречаться приходилось.

– Конечно, можно, – согласился Лев Иванович. – Главным у них был Леонид Паршин по кличке Халва, который с людьми Салмана работал. Этого исчезнувшего человека зовут – или теперь уже, может быть, звали – Дмитрий Матвеев, по кличке Мотя.

– Нет, не встречал, – с сожалением сказал Джафар. – Но я думаю, что посредника надо найти и объяснить ему, что плохое дело они задумали. Это, наверное, молодые люди. Они жизни не знают, вот и не могут предвидеть всех последствий.

– И найти этого посредника надо, и поговорить с ним, узнать, с кем его Мотя связал. Будь иначе, он не исчез бы. Если мы будем знать посредника заказчика, то и до него самого доберемся. Если его не выявить, он ведь и другого исполнителя найти сможет. Вот такая у меня головная боль, уважаемый Джафар Мусаевич! Вы человек умный, жизнь знаете, люди к вам прислушиваются. Так посоветуйте, что мне в такой ситуации сделать можно.

– Уважаемый Лев Иванович, только глупец будет давать поспешные советы. – Мизоев развел руками. – Мне подумать надо, с людьми поговорить. Понимаю, что ваша проблема промедления не терпит, так что постараюсь поскорее узнать, что смогу, и свяжусь с вами.

– Спасибо, уважаемый Джафар Мусаевич. Я знал, что вы без поддержки меня не оставите, – сказал, поднимаясь, Гуров. – Благодарю за угощение – давно я так вкусно не ел! – и за душевный разговор. Рад бы еще посидеть, но работа не ждет. Пора мне.

– Ай, жаль, что так быстро уходите! – горестно воскликнул Мизоев. – Ну да ничего. Аллах милостив, не последний раз видимся. Вы теперь ко мне дорогу знаете, так заходите

в любое время. Всегда рад! Я тут для вашей красавицы-жены гостинцы приготовил. Ничего особенного: фрукты-мукты, зелень-мельень, но женщины так ценят внимание! Пойдемте, я вас провожу, а мои мальчики отвезут. Негоже вам на такси разъезжать!

Джафар проводил Льва до дверцы машины, очень уважительно с ним попрощался и только что рукой вслед не помахал. Гостинцами была набита корзина изрядных размеров, стоявшая на заднем сиденье. Поверх всего прочего лежал большой букет роскошных роз. Видимо, это и была та самая зелень-мельень.

Возле дома Лев Иванович отказался от помощи и сам взял корзину. Забыть ее в машине или отправить обратно было невозможно. Мизоев смертельно обиделся бы.

Сыщик поднял корзинку и удивился ее тяжести. Только войдя в квартиру и занеся ее в кухню, он понял причину этого. Там действительно были фрукты-мукты: клубника, персики, абрикосы, гранаты, что-то еще. Но к дарам природы прилагались две бутылки классного коньяка и столько же вина.

Тут подросла Мария. Судя по ее прекрасному настроению, она ничего не знала о том, что произошло днем. Актриса равнодушно отложила цветы – ей их и так на каждом спектакле охапками дарили! – и тут же уцепилась за фрукты.

– Какая прелесть! Лева, ты посмотри, понюхай! Она же настоящая! – обрадовалась Мария и бросилась мыть клубнику.

– Это тебе для стройности фигуры от одного восторженного почитателя, – объяснил ей Лев Иванович, не пускаясь в подробности. – Ты развлекайся, а я спать лягу. У меня завтра будет очень тяжелый день.

Мария, восторженно жующая клубничку, только согласно покивала. Гуров отправился в спальню.

Ложась в постель, он подумал:

«А может, мне надо было в дипломаты пойти? У меня вроде неплохо получается, а жизнь у них куда спокойнее, чем у нас, ментов».

Четверг

Гуров приехал в администрацию к девяти часам. Как и было велено, он сразу же поднялся в приемную. Там помощник Александрова отдал Льву Ивановичу запечатанный конверт с ответами на запросы.

Потом он позвонил по внутреннему телефону и сказал:

– Полковник Гуров в приемной. – Помощник выслушал ответ и сказал визитеру: – Подождите, пожалуйста.

Как ни хотелось Гурову поскорее узнать, что в конверте, он решил здесь его не открывать. Сыщик сел в кресло и собрался посмотреть свежие газеты, которых не читал уже много лет.

Но тут из кабинета вышел Александров, поздоровался и предложил:

– Пойдемте со мной.

Они прошли в комнату напротив. Там на стульях, расставленных вдоль стены, сидели шесть высоких и крупных официанток. Роль мужчин, стоявших поодаль, в этом случае была бы непонятна только идиоту.

– Лев Иванович, посмотрите, пожалуйста. Может быть, кто-то из этих женщин вам знаком.

Гуров внимательно рассмотрел всех, а потом уверенно заявил:

– Третий слева.

– То есть вот этот? – уточнил один из мужчин, подходя к человеку, указанному сыщиком, и Гуров кивнул.

– Американцы в таких случаях кричат «Бинго!», – тусклым голосом заметил Олег Михайлович и обратился к ряженым: – Прошу всех извинить меня за то, что попросил участвовать в этом маскараде. Пойдемте ко мне, Лев Иванович.

Они вернулись в кабинет, и Александров сказал:

– Богдановым можете не заниматься, сосредоточьтесь на остальных.

– Простите, но не могли бы вы хотя бы в двух словах объяснить мне, что случилось?

– Хорошо, – нехотя согласился Александров. – Будучи студентом, Богданов сошелся с женщиной намного старше себя. Родился сын Сергей. Женщине был нужен только ребенок от молодого, здорового и неглупого мужчины, так что о браке и усыновлении речь не шла. Богданов уехал, женился, родилась дочь, потом сын Кирилл. Богданов о Сергее не забывал, когда мог, посылал деньги, поддерживал отношения. Он рос по службе, дошел до всего своим умом. Когда достиг очень значительного положения, в том числе и материального, его семейка пошла вразнос. Разочаровавшись в детях, которые умели только транжирить, он купил дом в Англии и отправил семью туда. Мать Сергея умерла от рака, и он забрал парня в Москву. Сын пошел в него не только внешне, унаследовал отцовскую деловую хватку и ум. Богданов обрадовался, что у него появился настоящий наследник, сделал его своей правой рукой, но до грязных дел официально не допускал. После известных событий Богданов с Сергеем выехали за границу, но не в Англию, а во Францию, где у отца тоже имелась недвижимость. Денежная река, из которой не задумываясь черпала его семья, пересохла. Они бросились за объяснениями, и произошел страшный скандал. Семья требовала денег, а Богданов им не только отказал, но и предоставил выкручиваться самим. Он заявил, что изменил завещание, и им вообще ничего не достанется. Реакция была соответствующей. Богданов и так был очень сильно болен, после известных событий его состояние значительно ухудшилось, а теперь с ним случился инсульт. Его положение безнадежно, содержание нового завещания неизвестно. Семья, которая никогда не знала, откуда вообще берутся деньги...

– Я все понял, – кивнул Гуров. – Извините, что перебил. Им не нужны были оригиналы, хватило бы и ксерокопии с перечнем счетов, принадлежащих Богданову. Тогда какой-нибудь

продажный нотариус в Москве за солидное вознаграждение оформил бы задним числом доверенность на кого-то из этой семьи, где были бы указаны эти счета. Не важно, что некоторые из них могли быть уже пустые. На остальных-то что-то оставалось. Я в понедельник сказал это о Данилове. Значит, в делах остальных фигурантов такой документ обязательно должен быть. Кто же оказался таким сообразительным?

– Кирилл. Как только с отцом случился инсульт, он понял, что счет идет, может быть, на часы. Как только папаша умрет, вступит в силу новое завещание. Он срочно приехал в Россию, развил бурную деятельность, подключил всех своих друзей и знакомых...

– Один из которых работал у вас, – тихо заметил Лев Иванович.

– Да. До оригиналов Кириллу было не добраться, но тут этот гаденыш сказал, что сможет достать ксерокопию, за, как ему казалось, очень крупную сумму – сто тысяч евро. А Кирилл столько за одну ночь в казино оставлял. Хоть он и считал себя почти нищим, но для него это были не деньги, и он согласился. Кстати, вы были правы, именно ему этот поддон выбросил в окно пакет с одеждой, ставшей ненужной. Он же достал наркотик, что для него было легче, чем покупать крысиный яд или снотворное.

– Значит, нас действительно пытались отравить, – Гуров покачал головой.

– Да, доза была такая, что даже вы не выжили бы, – подтвердил Александров.

– Как состояние Алексея Юрьевича? – поинтересовался Лев Иванович.

– Слаб, но угрозы для жизни нет. Подлечиться ему придется, конечно, основательно, но это уже не страшно.

– Вы мне, конечно же, не скажете, кто тот поддон, который совершил такое, – уверенно заметил Лев Иванович.

– Нет. Мы его задержали еще вчера. Улики против него неопровержимые. Он стал все валить на Кирилла, которого мы тоже задержали. А сегодня еще и вы его опознали. Мерзкая история! – Александров поморщился, невесело усмехнулся и спросил: – А вы знаете, что потрясло Кирилла больше всего? Мы думали, он с ума сойдет. В такой истерике бился!..

– Видимо, Богданов знал, что долго не протянет. Во избежание всяческих недоразумений и судебных тяжб он перевел все свои деньги на счет Сергея, – предположил полковник.

– С вами приятно иметь дело, Лев Иванович, – одобрительно заметил Олег Михайлович. – Постарайтесь закончить свою работу как можно быстрее. Вот вам номер одного из моих сотовых. – Он быстро написал его на листке бумаги и протянул Гурову. – В ближайшее время мне предстоит часто работать вне этого здания. Если вы найдете что-то, требующее немедленной реакции, не ждите до восьми часов вечера, а звоните тут же.

Оказавшись в кабинете Попова, Гуров в первый момент почувствовал себя неудобно, как будто он самовольно занял место, не принадлежавшее ему. Сыщик снял со стола лист ватмана со схемой на Богданова, ставший ненужным, и прикрепил новый.

Поскольку Даниловым и Куликовым он занимался сам, то решил начать с них. Тарасова, о котором не знал ничего, сыщик оставил напоследок. Он планомерно работал, составлял схему личных и деловых связей семьи Даниловых.

С ней все было предельно ясно. Из ответов на свои запросы Гуров знал, что они за границей, процветают, всех своих родственников перетащили туда же, и обратно ни в коем случае не собираются.

Лев Иванович закончил с Даниловыми и перешел к Куликову. Тут он вспомнил о конверте, так и не открытом. Сыщик достал оттуда списки людей, учившихся в школе в одно время с дочерью Куликова. Он начал просматривать их и обомлел. Среди одноклассников девочки был некий Дмитрий Матвеев, но вот тот или нет – неизвестно. Ведь такие имя с фамилией не самые редкие.

Лев Иванович тут же позвонил Крячко и спросил:

– Стас, у тебя материалы на Мотю под рукой?

– Да, а что?

– Посмотри, какую школу он заканчивал.

Послышался шелест переворачиваемых страниц, а потом Крячко назвал номер школы. Услышав ответ, Гуров даже забыл поблагодарить друга. Он прекратил разговор и тут же позвонил Александрову. Ему никто не ответил.

Олег Михайлович перезвонил ему минут через десять и с явным недовольством спросил:

– Что-то действительно срочное?

– Вы помните, что я говорил вам об одном мелком уголовнике? Так вот, он учился с дочерью Куликова в одном классе, – ответил Гуров.

– Ее нет в стране, – резко бросил Александров.

– Когда наши сотрудники обыскивали квартиру, они установили, что жесткий диск с его компьютера снят, – добавил Лев Иванович.

Повисло недолго молчание, а потом Александров приказал:

– Продолжайте заниматься своим делом, а мне скажите, как связаться с Орловым. Я не хочу посвящать лишних людей в эту проблему.

Гуров продиктовал ему номер телефона Петра, а сам тут же позвонил Крячко и сказал:

– Стас, беги к Петру и предупреди его, что ему будет звонить Александров, а то вдруг он посчитает это чьей-то глупой шуткой.

– Уже в пути! – крикнул Крячко.

Гуров отключил телефон и продолжил работать. Дело продвигалось быстро. Да оно и не удивительно. Он же о Куликове практически все уже знал.

Закончив с ним, Гуров устало потянулся и почувствовал, что здорово проголодался. К местной столовой после недавних событий у него возникло стойкое чувство недоверия. Но оставлять надолго кабинет, запертый только на замок и неопечатанный, он не хотел, отказался от мысли выйти из здания и что-то купить.

Электрочайник занимал свое законное место на тумбочке. Лев Иванович вспомнил, что в ней должен быть чай в пакетиках и сахар, и решил ограничиться этим. При тщательном обследовании недр тумбочки там обнаружилась упаковка сушек с маком и начатая пачка крекеров. Что ж, на безрыбье и рак – рыба!

– Ну и пусть считают меня параноиком. Мне с ними детей не крестить, – буркнул Гуров себе под нос и отправился с чайником за водой в туалет, предварительно заперев дверь на ключ.

Лев Иванович пообедал таким вот образом, с новыми силами взялся за неизвестного ему Тарасова и завяз. Сокращения, сделанные Поповым, были ему непонятны, ни о чем не говорили, а расшифровывать их не позволял дефицит времени. По этому фигуранту Гурову пришлось начинать все с самого начала. Сыщик вспомнил о том, как, работая над этими бумагами, Алексей Юрьевич задумался. Гуров понимал, что там должно быть что-то интересное, сидел и читал. Благо опыт уже появился. Он знал, где и что нужно искать.

Вскоре Гуров наткнулся на один документ и понял, что послужило причиной той задумчивости. У Тарасова был рак, причем уже неоперабельный. Но он продолжал работать, точнее, хапать и хапать, чтобы обеспечить не только своих детей и внуков, а еще и праправнуков.

«Да, родительская любовь действительно безмерна», – вздохнув, подумал Гуров и стал читать дальше.

Закончив с бумагами в коробках, он взялся за записи Алексея Юрьевича. Теперь все сокращения стали ему понятны.

Потом сыщик стал читать ответы на запросы, сделанные Поповым. Он увидел, что Тарасов уже умер в одной из швейцарских клиник. Теперь его наследники были заняты такой яростной борьбой за деньги, что плевать хотели на все остальное с самой высокой колокольни. Но схему все равно нужно было составить.

Лев Иванович понимал, что самая главная работа сейчас идет на Петровке, причем без его участия. Он пахал как каторжный, чтобы поскорее все закончить, вернуться к друзьям и заняться именно тем, что имело сейчас первостепенное значение.

Когда сыщик услышал звук открывавшейся двери, он повернулся, чтобы высказаться по полной программе в адрес того негодяя, который оторвал его от дела. Но это оказался Александров.

– Извините, – пробормотал Гуров. – Что, уже восемь?

– Давно девятый, – ответил, проходя в кабинет, Олег Михайлович.

– Простите еще раз. Я просто как-то забывал смотреть на часы. – Лев Иванович окончательно смутился.

– Бывает. Рассказывайте, что вы выяснили.

Полковник тут же стал объяснять. Александров внимательно слушал его, временами кое-что уточнял.

Когда Гуров закончил, он спросил:

– Значит, единственная возможная версия – это дочь Куликова?

– Но это может быть и просто совпадением, – возразил сыщик. – Работать надо!

– Тогда будем считать, что здесь вы все закончили. Возвращайтесь на Петровку и продолжайте там с учетом уже известной вам информации. Все документы оставьте здесь. Как запрете дверь, ключ возьмет комендант. Он ее снова опечатает. Пусть кабинет Лешу дожидается. Пропуск отдадите при выходе, а вот номер моего телефона далеко не убирайте – вдруг нужно будет что-то срочно сообщить. До свиданья!

Оставшись один, Гуров осмотрелся, не оставил ли здесь что-нибудь личное, проверил, выключен ли чайник, погасил свет и с чувством честно выполненного долга запер за собой дверь. Как оказалось, комендант его уже караулил в коридоре, так что и здесь задержки не было. На выходе Лев Иванович сдал свой пропуск.

Потом он вышел на улицу, глубоко вздохнул и пробормотал:

– «Которые тут временные? Слазь!». Правильно говорят, что старую собаку новым трюкам не научишь. Все-таки на Петровке мне куда комфортнее, роднее.

Пятница

Казалось бы, длинные служебные коридоры с дверями кабинетов по обе стороны есть практически в любом учреждении и не должны так уж сильно отличаться между собой. Но Гуров, приехав на Петровку и направляясь сейчас к себе, вдруг подумал, что вернулся домой.

Крячко уже был на месте и встретил друга язвительно:

– Ага! Набегался по чужим хатам, к родной потянуло?

– Да меня и не было-то всего четыре дня, – отмахнулся Лев Иванович. – Как вы тут без меня?

– Ты не поверишь, до чего же спокойно жили. – Стас вздохнул и вдруг всхлипнул. – Тихо, мирно, никаких тебе авралов. Пир духа и именины сердца. А теперь ты вернулся, и не будет нам больше покоя с тобой, окаянным!

– Не причитай, бабка-плакальщица! – Гуров поморщился. – Переигрываешь уже. Рассказывай, что и как!

– Ну, извини, мы системе Станиславского не обучались, – Крячко сделал вид, что обиделся. – А что и как, ты сейчас у Орлова узнаешь, пошли!

– Какой смысл мне сейчас к нему идти? Поздороваться? Самочувствием поинтересоваться? – осведомился Лев Иванович. – Дай я сначала документы посмотрю, чтобы потом было о чем говорить. – Он сел за свой стол, похлопал по папкам и спросил: – Как я понимаю, здесь все по Моте, а у тебя – по Халве, да?

– Вот что слава с человеком делает. – Стас притворно вздохнул и уже серьезно добавил: – Пойдем! Надо!

– Да мать вашу!.. – не выдержал сыщик. – На несколько дней вас одних оставить нельзя! Что тут еще случилось?

Крячко ему ничего на это не ответил. Гуров вздохнул и поднялся.

В приемной Орлова всегда были люди, но сейчас там царило настоящее столпотворение. Подчиненные ненадолго заходили в кабинет генерала, вылетали оттуда и куда-то мчались.

Лев Иванович посмотрел на все это, и ему стало невесело. Крячко же подошел к замотанной секретарше, о чем-то с ней пошептался и махнул рукой Гурову. Они прошли вне очереди.

Здесь это давно никого не удивляло, но до сих пор продолжало раздражать. Любимчики начальника редко пользуются всеобщей симпатией. Вот и в этот раз присутствующие проводили их возмущенными взглядами.

Орлов сидел за столом без пиджака, ослабив галстук и подвернув рукава. Мельком глянув на друзей, он мотнул головой в сторону стола, что означало: «Присаживайтесь!».

Петр закончил читать какой-то документ, отложил его в сторону и спросил:

– Лева, что у тебя нового?

– Ничего. А что может быть, если я только что пришел? – ответил Гуров.

– Тогда иди и ознакомься с документами. Вдруг у тебя свежие идеи появятся. О том, что уже наработано, тебе Стас расскажет.

Гуров с Крячко поняли, что аудиенция закончена, и вышли.

Уже в их кабинете Лев спросил:

– И давно с ним это?

– Со вчерашнего дня. – Стас тоскливо вздохнул. – А началось все после звонка Александра. Петр такой важный стал – не подступись! Напряг всех так, что носятся как ошпаренные. Да ты сам видел.

– Как же мало надо человеку, чтобы подцепить звездную болезнь. – Гуров покачал головой.

– У тебя самого она периодически обостряется, – ехидно заметил Крячко.

– Но не на пустом же месте! – возразил Лев Иванович. – Толк-то хоть какой-то есть от всей этой беготни? Или ребята бумажки из одного кабинета в другой таскают? – Сыщик увидел, что Стас в ответ только вздохнул. – Значит, от чего я ушел, к тому и вернулся. – Гуров покачал головой и открыл первую папку. – Давай так договоримся. Я сейчас все сам прочитаю, а потом ты мне расскажешь, что вы здесь без меня натворить успели.

– Не помрешь ты от скромности, Лева, – буркнул Крячко, но Лев Иванович сделал вид, что не услышал его.

Гуров от корки до корки прочитал уголовное дело Матвеева, затем все документы, что были на него собраны, и стал рассуждать вслух:

– Итак, Матвеев Дмитрий Александрович после смерти матери проживал один по месту постоянной регистрации. Бросил колледж. О том, чем он занимался до знакомства с Паршиным, в деле ни слова. Был осужден на два года колонии общего режима, освобожден три месяца назад и вернулся домой. Вы не выяснили, чем он стал заниматься, хотя и опросили чертову прорву людей. Значит, болтался без дела. Вопрос: на что жил? Его постоянная дама сердца, Рябова Надежда Николаевна, показала, что о делах своего милого друга ничего не знает. Это сомнительно. Она работает официанткой отнюдь не в шикарном ресторане, где богатые клиенты и чаевые соответствующие, а в заведении весьма среднего пошиба. Ясно, что Мотю содержать ей было не по средствам. Скорее всего, он что-то еще тогда припрятал себе на черный день. Срок этот тип получил небольшой, значит, был в деле на вторых или даже третьих ролях, много скопить просто не смог бы. А тут у него вдруг невесть откуда появляются солидные деньги!.. Скажи мне, Стас, какая женщина не поинтересуется их происхождением?

– Только святая или законченная дура, – тут же ответил Крячко. – Или та, которой плевать на то, откуда они берутся, лишь бы были. А нормальная баба не мытьем, так катаньем, но правду из мужика вытянет.

– Правильно. Рябова у нас дама судимая, четыре года отбыла от звонка до звонка за участие в ограблении ночного магазина. По УДО, заметим, не освободилась. О чем это нам говорит? Что вела она себя там не слишком примерно, характер у нее имеется, прогибаться не любит. Вышла Наденька полгода назад, с Мотей связалась два месяца тому. Наружка засекала, что она в женской консультации три раза была, то есть не только на прием к врачу ходила, но и анализы сдавала. О чем это нам говорит?

– Не знаю. – Крячко пожал плечами. – У женщин вечно с этим проблемы.

– Ох, Стас! – Гуров вздохнул. – А узнать, не беременна ли она, трудно было? Ведь если так, то срок небольшой. С таким частники без всяких анализов аборт делают чуть ли не в день обращения, и стоит это не так уж дорого. А она в районную консультацию ходила. Стало быть?.. – не дождавшись ответа, Лев Иванович вздохнул и сказал: – Собирается рожать.

– Сейчас выясню, – хмуро пообещал Крячко и схватился за трубку телефона. – А еще лучше сам туда позвоню.

Он так и сделал, но представился дежурным ИВС, куда привезли задержанную Рябову Надежду Николаевну. Мол, дамочка жутко скандалит, утверждает, что она беременна и требует особого к себе отношения. Так правда ли это?

Ответа ему пришлось ждать довольно долго. Выслушав его, он аккуратно положил трубку на рычаг, вздохнул и уставился в окно.

Гуров тоже вздохнул и грустно сказал:

– Стас, ты же опер от Бога. В некоторых вопросах дашь мне сто очков вперед. Что ж ты об этом не подумал? А теперь рассуди сам: стала бы она сохранять беременность, если бы точно знала, что Мотя свалил с концами или уже на том свете и поднимать ребенка ей предстоит одной? А уж с учетом того, что она еще молодая и вполне может родить потом, тем более. Заметь, что ни ворам, ни тебе женщина о Моте ничего не сказала. А ведь уголовнички с ней

обращались без особого политеса. Да знай она, что Моти нет в живых, стала бы молчать? Нет! Выложила бы все, что знает или даже только догадывается. Что мы имеем в сухом остатке?

– Она любит Матвеева, надеется, когда все утихнет, создать с ним семью, а пока временно его где-то спрятала, – уныло ответил Стас.

– А ведь все лежало на поверхности, – заявил Лев Иванович. – Вы ее родственников и близких знакомых установили? – По виду Крячко он понял, что нет, и опять вздохнул.

– Лева, я немедленно этим займусь, – клятвенно пообещал Стас и даже поднялся, демонстрируя полную готовность бежать во все стороны сразу.

– Сиди! – отмахнулся Гуров. – Вы уже сотворили все, что только могли. С ней надо было просто нормально поговорить, внятно объяснить, во что ее сердечный друг вляпался и чем для них обоих это может закончиться.

– Так, может, задержать ее и потолковать по душам? – предложил Крячко.

– Стас, родной! – Гуров горестно помотал головой. – А что ты ей предъявишь?

– Как что? Соучастие в подготовке покушения, – с удивлением проговорил Стас.

Лев Иванович глухо застонал, потом грустно спросил:

– Чем ты это подтверждать будешь? С Кинг Конга показания снимешь? А ты подумал о том, что в этом случае весь мой авторитет, завоеванный десятилетиями, полетит к чертовой матери? Стас, у нас нет ни одного доказательства того факта, что готовится преступление. Ни единого! Все строится на личных ощущениях одного человека. Да, его коллеги их разделяют, но нам-то от этого не легче. Если ты так не понимаешь, я могу на бумаге крупными буквами написать «Доказательств нет!» и на стену повесить, чтобы нагляднее было.

Крячко сидел, отвернувшись, и только желваки ходуном ходили.

– Мотю к этому делу привязывает только то, что он зачем-то искал киллера и учился в одном классе с дочерью Куликова, – продолжал Гуров. – Все! И не надо на меня обижаться. Еще один выискался! Путь к Моте лежит только через Рябову.

Крячко продолжал демонстрировать окончательное разочарование в жизни, и Лев смиловился:

– Давай так договоримся. Я сейчас документы на Паршина посмотрю. Мы все обсудим, а потом выработаем план совместных действий. Мне одному не управиться.

Крячко несколько приободрился, и мир был восстановлен.

– Может, сходим пообедаем для разнообразия? А то столовую скоро закроют, – предложил Стас.

Лев Иванович посмотрел на часы и понял, что тот прав. Они пошли в столовую.

Когда друзья уже сидели за столиком, Крячко спросил:

– Интересно, а чем в администрации кормят?

– А мы с Алексеем Юрьевичем там, как и здесь с тобой, к шапочному разбору приходили. – Лев Иванович усмехнулся, тут же вздохнул и сказал: – Лучше бы и дальше так же продолжалось, тогда ничего не случилось бы, и Попов был бы здоров.

Полковники вернулись в кабинет. Гуров стал изучать уголовное дело Паршина, потом очень немногочисленные документы, собранные на него.

Он отложил последний лист и сказал:

– Итак, Леонид Сергеевич Паршин, известный автогонщик, мастер спорта международного класса, попал во время тренировки в аварию, после которой был вынужден уйти из большого спорта. Его жена поняла, что прежних денег больше не будет, и развелась с ним. Он оставил квартиру ей и дочке и прописался у сестры, в двухкомнатной квартире, доставшейся ей от родителей. Там проживает она и ее двое детей. С мужем она в разводе. Бывшая жена Паршина продала квартиру, вышла замуж за немца, в настоящее время проживает с дочкой в Германии и к нашей истории отношения не имеет. По словам Паршина, он жил на съемных квартирах, но их точных адресов не помнит, не считая последнего, где его и взяли. Теперь вопрос: как

на него вышли? Он три года занимался противоправной деятельностью, и полиция – ни гу-гу, а тут вдруг повязали, причем в адресе. Как они его узнали? Паршин же был зарегистрирован у сестры. На основании чего задержали? Он хранил в этой квартире неопровержимые улики: запчасти от машин, договоры купли-продажи. Если Паршин попал под подозрение, то за ним можно было проследить и взять на месте совершения преступления. Ты со следяком разговаривал?

– Конечно, – кивнул Крячко. – Но тот вертелся как уж под вилами. Ничего не помнит, ссылается на большую загруженность. Ясно же, что ему крупно забашляли. Я с операми потолковал, и те мне шепнули, что был анонимный звонок. Номер не определялся. Некий доброжелатель, не пожелавший назваться, сообщил, что Леонид Паршин, известный в определенных кругах под кличкой Халва и занимающийся угоном дорогих машин чуть ли не в промышленных масштабах, проживает по определенному адресу. Мужики дела подняли, выяснили, что когда эти умельцы одну машину брали, их видеорегистратор с другой засек. Пришли они в адрес, видят, морда та же, вот и взяли, а остальных уже по его мобильнику вычислили. Но мужики тоже многое недоговаривают – чересчур честно мне в глаза смотрели. И потом непонятно, откуда у Паршина и его людей, этой мелкоты, нашлись деньги на хороших адвокатов. Да и сидят все в приличных местах, в Центральной России. Матвеев в Стенькино отбывал, а Паршин – вообще в Коломне.

– С этим все ясно. Кавказцы заплатили, чтобы в деле не фигурировать, – заявил Лев Иванович и продолжил: – Допустим, так и было. Тогда следующий непонятный момент. Сидит Паршин два года, до этого три занимался угонами, откуда вопрос: где еще два? Чем он занимался, после того как ушел из спорта, но еще не стал преступником? Мне сказали, что он был персональным водителем у какой-то дамочки, но почему об этом в деле нет ни слова? Кто она?

– Может, это любовь? – Крячко усмехнулся. – Вот он о ней и промолчал, чтобы в свой криминал не вмешивать.

– Или ее муж постарался, чтобы его фамилия там не светила. Раз он мог позволить себе оплачивать личного водителя для жены, то человек этот явно не бедный, может, и известный, – предположил сыщик. – Меня очень интересует, кто же Паршина сдал. Конкуренты? Но бодаться с кавказцами, которым прибыльный бизнес обломали, рискованно. Предположим, что связь Паршина с этой дамочкой продолжалась. Муж свою службу безопасности напяр, выяснил, чем Леонид занимается, и сдал его, чтобы тот вокруг жены не вертелся.

– Очень сомнительно. Уж больно мелкая месть для крутого и богатого мужика, – заявил Крячко и покачал головой.

– Согласен. – Лев Иванович кивнул. – Судя по фотографии, мужик Паршин красивый, влюбиться в такого можно, а вот он сам? Надо обязательно выяснить, что это за женщина, – решительно заявил он и спросил: – Ты с колонией связывался?

– А как же! – Стас возмутился от проявления такого откровенного недоверия. – Паршин уже полгода как расконвоированный, водителем работает, документы на УДО подал. Думаю, выпустят, потому что ведет он себя примерно. Сестра его регулярно навещала, не знаю, как сейчас. Теперь-то не проследишь, он же с ней может уже бесконтрольно встречаться. Посылки были.

– Надо с его сестрой поговорить. Может, она знает, что это за женщина, – сказал Лев Иванович и выписал из дела данные.

– Не пойму, что ты к ней прицепился, – недоуменно сказал Стас.

Гуров только отмахнулся и предложил:

– Теперь давай думать, что делать будем. Ты очень аккуратно, только по документам, выясняй все, что возможно, о родственниках Рябовой. Сама она москвичка, но, может, мать или отец были приезжими, и где-то у них родня осталась. К Орлову с этим делом даже не думай соваться. Он от великого усердия может еще кого-то подключить, и тогда пиши пропало.

Сейчас ее все, как она думает, в покое оставили. Но если только дамочка почувствует хоть малейший интерес к себе, то тут же найдет возможность связаться с Мотей. Тогда мы его уже точно не найдем. Да, когда женщина бьется за своего мужика и отца будущего ребенка, она на все способна. Ты меня понял?

– Не дураком родился, – буркнул Стас. – Но как же я ненавижу в бумагах копать! А ты чем собираешься заниматься?

– Буду думать, что еще из этих документов выжать можно, – ответил Лев Иванович.

Крячко ушел, а Гуров, как и собирався, начал снова читать дела. Вскоре его отвлек от них телефонный звонок. Это был Мизоев.

– Здравствуйте, уважаемый Лев Иванович! – оживленно начал он. – Как здоровье, семья, работа?

– Все, слава богу, неплохо, уважаемый Джафар Мусаевич, – в тон ему ответил Гуров. – Жена просила передать вам большое спасибо за цветы и фрукты. Она была от них в полном восторге, особенно от клубники.

– Ай, как хорошо! – обрадовался Мизоев. – Приятно слышать, что угодил красивой женщине. Уважаемый Лев Иванович, я очень расстроился, что не смогли мы с вами тогда подольше посидеть, о жизни поговорить. Приезжайте ко мне сегодня, как сможете. Очень прошу. Барашек у нас припасен. Молодой, нежный, сочный. Пальчики оближешь!

– Вы так вкусно говорите, уважаемый Джафар Мусаевич, что невозможно устоять. – Гуров рассмеялся, хотя ему было совсем не до смеха.

Он тут же понял, что Мизоев что-то узнал.

– Уже выезжаю.

Он быстро побросал все папки в сейф и оставил на столе Крячко записку:

«Уехал по делам, не звони, я сам с тобой свяжусь».

Потом сыщик почти бегом отправился вниз.

Гуров закусил губу, чтобы не материться в голос из-за того, что машины впереди двигались со скоростью старой и больной черепахи. При первой же возможности он свернул в переулок, и дальше дело пошло быстрее.

Сыщик затормозил перед «Мелхистой», едва не забыв поставив машину на сигнализацию и взлетел по ступенькам. Мизоев ждал его в зале. Выражение лица у него было таким гневным, что Лев Иванович понял, с каким трудом дался ему оживленный и радостный тон в их телефонном разговоре. Джафар тут же повел сыщика куда-то в другую сторону.

Гуров не выдержал и спросил:

– А как же барашек?

– Немножко попозже, – сердито сопя, объяснил Мизоев. – Сначала будет большой и глупый баран! Такой тупой, что рука сама тянется его зарезать! – Он что-то добавил на своем родном языке.

Они вышли во внутренний двор, к гаражу, возле которого стояли несколько соотечественников Джафара. При виде хозяина один из них открыл дверь, и Гуров с Мизоевым вошли внутрь. Там на стуле сидел сильно избитый мужчина средних лет, причем по внешности русский, что очень удивило Льва Ивановича.

– Кто его так? – поинтересовался сыщик. – Вы бы ему хоть умыться дали, чтобы я лицо мог разглядеть.

Мизоев чуть повернул голову, и Гуров услышал, как снаружи кто-то куда-то тут же побежал.

Джафар тем временем объяснил:

– Салман его учил! Оказывается, этот баран втайне от него машинами занимался. Как будто он своим людям мало платит! Какой хозяин такое потерпит, а?

– Да, непорядок, – согласился Гуров.

Тут появился мужчина с кувшином воды, и пленник умылся. Полотенце ему, естественно, никто и не подумал дать. Мизоев махнул рукой, и они опять остались втроем.

Джафар обратился к пленнику:

– Ахмет, сейчас ты расскажешь моему уважаемому другу все, что раньше говорил мне и своему хозяину, ответишь на все его вопросы. Если ты будешь врать, то ты знаешь, что тебе за это будет!.. – Он спохватился и крикнул: – Эй, кто-нибудь, принесите стулья! Почему я обо всем должен думать? Никто не догадался это сделать! Какой ишак решил, что мы здесь стоять должны?

Стулья появились мгновенно. Мизоев и Гуров сели напротив Ахмета, не проявлявшего ни малейших признаков беспокойства.

– Начинай! – приказал Джафар.

Но прежде чем пленник открыл рот, Лев Иванович сфотографировал его на телефон, а потом сказал:

– Я полковник полиции Гуров и уже много лет занимаюсь особо важными делами. Мое появление здесь означает, что ты вляпался в очень нехорошее дело. Надеюсь, тебе это понятно. От откровенности зависит твое будущее, так что подумай хорошенько, стоит ли врать. А теперь рассказывай.

– Это было где-то две недели назад, – начал Ахмет на чистейшем русском языке, спокойно глядя на Гурова. – Ко мне пришел Мотя. Это...

– Я знаю, кто это, чем и с кем занимался, – перебил его Гуров. – Дальше!

– Он сказал, что один человек ищет надежного киллера для серьезной работы, за которую очень хорошо заплатят. Мотя предложил ее мне, но я отказался.

– Кто его прислал к тебе? Он на кого-то сослался? Почему именно к тебе? С чего ты ему поверил, не испугался, что это была провокация? – сыпал вопросами Гуров.

– Сам по себе пришел. Я же его знал, – спокойно объяснил Ахмет. – А он в курсе, что я боевиком был, воевал. Объявили амнистию, вернулся домой. Начал работать, сначала там, потом здесь. Мотя нервничал сильно, но это понятно, а смотрел прямо, глаза не отводил. Не мог бы он так держаться, если бы что-то задумал, не тот человек. Только я отказался – не хочу к прошлому возвращаться. У меня хорошая работа, на жизнь хватает. Зачем рисковать?

– Особенно если учесть, что ты на стороне подрабатывал, – не удержавшись, встрял Мизоев.

– Тогда он стал просить, чтобы я его с кем-нибудь свел, обещал заплатить, – как ни в чем не бывало продолжил Ахмет. – Очень настаивал, только что не плакал, деньги за информацию предлагал. Я подумал, почему не заработать на дураке, сочинил электронный адрес и ему написал, а он мне заплатил. Через неделю Мотя пришел и сказал, что я его обманул: он написал, а ему никто не ответил. Я ему заявил, что сделал все, что мог. Человека этого, может, и в живых-то уже нет. Много времени прошло. Я не думал, что это до хозяина дойдет, но вот он узнал.

– А ты, случайно, Мотю не убил, чтобы он деньги назад не стал требовать? – спросил Гуров.

– Зачем об него руки пачкать? – небрежно ответил Ахмет. – Да и кто ему поверит?

Гуров достал перекидной блокнот, открыл на середине, протянув его и ручку пленнику.

– Адрес мне тот напиши на всякий случай! – потребовал сыщик.

– Да я его уже и не помню, – заюлил Ахмет.

– А ты вспомни! – настойчиво посоветовал ему Лев Иванович.

Тот долго думал, а потом все-таки написал и сказал:

– Точно не поручусь, кажется, этот.

– Рассказывай дальше! – приказал полковник. – Что говорил тебе Мотя о человеке, который ищет киллера.

– Только то, что тот очень богатый, щедро заплатит, главное, чтобы работа была выполнена чисто.

– Хорошо. Тогда скажи мне, в чьем отряде ты был?

– А это еще зачем? – насторожился Ахмет.

– Почему ты так испугался? – удивился Гуров. – Амнистия же была, тебе теперь бояться нечего.

Ахмет посмотрел на Мизоева, и тот грозно прикрикнул:

– Отвечай, шакал!

– Я воевал в отряде Хасена с осени девяносто девятого, а ушел, когда объявили амнистию, – очень неохотно ответил Ахмет, а потом твердо заявил: – Но больше на эту тему я говорить не буду.

– Как я понял, ты русский, а воевал на стороне боевиков и ислам принял, – сказал Лев Иванович. – Как твое настоящее имя?

– Русская бомба упала рядом с моим домом. Все родные погибли под его развалинами, – жестко ответил Ахмет. – Так что мое настоящее имя похоронено под теми же развалинами.

– Все-таки ты его назовешь, – твердо сказал Гуров. – Или мне людей со двора позвать?

– Зови! – ответил пленник, глядя на Льва с лютой ненавистью. – Только как мой хозяин посмотрит на то, что меня тут чужие люди избыют? Что он ему скажет? – Ахмет кивнул на Мизоева.

– Ладно, – согласился Гуров, поняв, что погорячился. – Но свое полное теперешнее имя ты мне назовешь.

– Ахмет Магомедович Кураев, – тем же тоном ответил пленник.

– Я узнал все, что хотел, и пока мне этого достаточно, – сказал Лев Иванович Мизоеву. – Договоритесь, пожалуйста, с Салманом о том, что вы еще немного подержите Ахмета у себя. Вдруг мне что-то уточнить надо будет. Смотрите за ним получше, а то как бы не сбежал. Что-то мне его настроение не нравится.

– От меня не сбежит, – заверил его Джафар. – А с Салманом я договорюсь.

Они вышли из гаража, и Гуров вежливо, но очень настойчиво сказал:

– Уважаемый Джафар Мусаевич, я понимаю, что мой вопрос может показаться вам нетактичным, но все-таки прошу на него ответить. Предупреждаю сразу, что меня совершенно не интересуют подробности бизнеса Салмана. Я хочу знать, как он узнал о том, что Мотя приходил к Ахмету. Скорее всего, ему обо всем доложил кто-то из подчиненных.

– Когда я все объяснил Салману, он сразу понял, что может произойти, а ему это совсем не надо. А еще он очень расстроился, узнав, что кто-то из его людей организовал свой бизнес за спиной хозяина. Салман стал их расспрашивать, выяснил, кто еще с Паршиным работал, но это его дела. Ахмет не женат, живет вместе с еще несколькими людьми. Один из них и видел, как к нему приходил Матвеев. Салман с Ахметом поговорил, и тот во всем признался. Я попросил Салмана отдать мне Ахмета, чтобы вы лично с ним поговорить могли, и он согласился. Но я должен буду его вернуть. Хозяин Ахмета – Салман, а не я.

Гуров сердечно поблагодарил Мизоева за помощь, вежливо отказался от барашка, теперь уже настоящего, и сел в машину. Сыщик был твердо уверен в том, что Ахмет врал как сивый мерин.

Он тут же позвонил Александрову, потому что перепроверить кое-какую информацию сам не смог бы.

– Олег Михайлович, у меня появились новости.

– Я на месте. Приезжайте, жду.

В кабинете Александрова Гуров первым делом перекинул снимок Ахмета на компьютер Олега Михайловича, потом все рассказал ему и под конец сделал свои выводы:

– Олег Михайлович, весь мой опыт подсказывает, что Ахмет врет. Это значит, что ему есть что скрывать, причем не свое бандитское настоящее, потому что я его о нем не спрашивал. Но есть несколько фактов, которые он не смог бы исказить. Первое: свое теперешнее имя. Второе: Матвеев к нему действительно приходил, но о сути разговора мы знаем только со слов Ахмета. Третье. Ахмет действительно был в отряде Хасена и зарекомендовал себя там с самой лучшей стороны, иначе Салман не взял бы его к себе. Я никогда не сталкивался с этим человеком, но уже понял, что он крайне осторожен. Один вор в законе, человек в уголовных кругах очень уважаемый, хотел с ним просто встретиться, но у него ничего не получилось. Раз Салман взял Ахмета к себе, значит, он ему верит. Думаю, что в соответствующих структурах есть информация об отряде Хасена. Вот и нужно проверить, кто и когда там был вместе с Ахметом. По моим ощущениям, если пользоваться терминологией Алексея Юрьевича, концы нужно искать именно там. Думаю, будет нелишним связаться с Интерполом и выяснить, нет ли среди высококлассных киллеров, известных им, людей, прошедших через Чечню.

– Хорошо, я немедленно кое с кем свяжусь, – пообещал Александров. – Не исключено, что там могут быть и фотографии. Это все?

– Нет. Ахмет – в прошлом уголовник. Я их за версту чувствую. Он промышлял не мелким мошенничеством. Я ему сказал, что занимаюсь особо важными делами, а он и бровью не повел. Значит, с милицией иметь дело ему приходилось, и никакого почтения она у него не вызывает. Я понимаю, что боевое прошлое накладывает на характер человека определенный отпечаток. Но сейчас он не в отряде, среди своих, а в Москве. Замечу, что Ахмет сумел организовать за спиной у своего хозяина отправку краденых машин на юг. Значит, связи в уголовном мире у него сохранились крепкие. – Лев Иванович достал блокнот и вырвал из него два листка. – Вот здесь не только электронный адрес, который, я уверен, нам ничего не даст, хотя проверить его все же надо, но и отпечатки левой руки Ахмета, сделанные им, когда он держал блокнот. Надежд на то, что в полиции Чечни сохранились на него какие-то данные, не говоря уж об уголовных делах, очень мало. Но вот если он давно занимается преступной деятельностью, то в центральной базе данных его пальчики обязательно должны быть. Тогда мы сможем узнать его настоящее имя. Раз он категорически, несмотря на угрозы, отказался мне его назвать, ему есть что скрывать. К тому же, может быть, у смежников, как мы их называем, что-то на него найдется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.